

Марина Комарова

ЯНТАРЬ-СЕРДЦЕ или Со змеем на плече

ИДДК

Марина Сергеевна Комарова

Янтарь-сердце, или

Со змеем на плече

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70292947

Янтарь-сердце, или Со змеем на плече:

Аннотация

Однажды ко мне, Вике Шестопаловой, архивариусу и ведунье, пришел незнакомец с «милым» прозвищем Покойник и попросил восстановить древнюю карту. Откуда ж было знать, что она ведет в давно пропавшее место под названием Бурштынов Ир, где живут загадочные расы? Мира там нет и в помине, а тайны и опасности поджидают на каждом шагу. И сам Покойник совсем не тот, за кого себя выдает! А еще, чтобы выбраться из переплета, мне придется выйти замуж. Сразу за двоих!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	43
Глава 4	58
Глава 5	73
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Марина Комарова
Янтарь-сердце, или
Со змеем на плече

© Комарова Марина

© ИДДК

Глава 1

Покойленко

Так, щепотка ромашки, щепотка зверобоя, две щепотки мяты. Одна сосновая шишка. Точнее, ее семена. Мед лесных пчел, малина и орехи. Последнее не обязательно, конечно. По науке в оздоровительно-профилактический напиток орехи класть не годится. Но клиент сейчас пошел капризный: то не так ему и это не этак, подавай чего-нибудь экзотического и нетрадиционного. А я что? Я – ничего. Клиент всегда прав.

Даже если он уроженец села Вересочь Черниговской области.

Жителей здесь наберется чуть больше тысячи. Надо сказать, место приятное, спокойное и очень красивое. Рядом находится восхитительный сосновый лес, что лично мне, дочери степного края, кажется самой настоящей сказкой. А вот как я здесь оказалась – отдельная история.

Смешав ингредиенты в глиняной пиале, я отставила ее в сторону и потянулась за книгой. Когда ты знахарь со стажем – это одно. А когда архивариус без стажа... работы, в силу некоторых способностей признанный лекарем всея села, – это совсем другое дело. Если учесть, что учителя в лекарском деле у меня никогда не было, то пускать на самотек даже мелочи – недопустимо.

Неожиданно на кухне что-то грохнуло, и тут же раздалась ругань. Такая... весьма своеобразная.

– Ну кому? Кому я говорил, спрашивается? – увещевал кто-то хриплым старческим голосом. – Нельзя было подождать, что ли, динозавр ты этакий? Вместе бы, потихонечку! А тут... Вот что теперь делать, а?

– Так я же не специально, – принялись тут же оправдываться глубоким басом, – я вот хотел Вике помочь. А...

– Помог, – хмыкнул первый. – Ай да помощничек...

Я вздохнула. Итак, всё как всегда. Медвежья услуга и тут же следом суровый разнос. Встав из-за стола, направилась на кухню. Вика – это я. Если официально, то Виктория Алексеевна Шестопалова. Двадцати шести лет от роду, пол женский, образование высшее, характер общительный, не замужем. В общении – приятная, с соседями – миролюбивая.

– Так я ж не специально!

– Я...

Заглянув на кухню, я покачала головой. Что ж, нет ничего удивительного. Эти двое никак не могут ужиться.

На полу рассыпалась мука, горстка цветной карамели и изюм. При этом вообще загадка, почему тут оказались составляющие печенья для сельских детей, если оба «помощника» несли сундук с вещами на чердак.

– Что у нас происходит? – любезным тоном поинтересовалась я, понимая, что за продуктами придется идти заново. И не кому-то, а мне.

– Шарик хотел поиграть в Геракла, – сообщил Валерьян, вытирая руки полотенцем в крупную красную клетку. – Результат налицо.

Дед Валерьян – скарбник, мудрый советник, хозяйственный дух и единственная возможность воспитания непутевой юной ведуньи. То есть меня. Скарбник, по сути, есть существо мифологическое, до чужого добра не жадное, но до своего – крайне внимательное. Помогает человеку не растерять все, что нажил посильным и не очень трудом. Видом своим напоминает домового. Толст, розовощек, сед как лунь, на поясе носит связку волшебных ключей, ростом едва достигает мне до пояса. По поверьям, скарбник верно служит человеку всю жизнь. Но после его смерти является с ордой нехороших личностей и вырывает у несчастного душу в качестве платы за службу. Когда я спросила Валерьяна, правда ли это, скарбник только фыркнул и демонстративно поморщился. Как выяснилось, меняется век, меняется и скарбник. Душа – такая валюта, что на нее много не приобретешь. Другое дело – десять процентов от скарба хозяйки. Взять Валерьян может все что пожелает и когда пожелает. Главное – не перегибать палку. К моим родителям он пришел лет двадцать назад. И не один, а с братом. С тех пор оба честно и качественно выполняют свои обязанности в семье Шестопаловых. Только Валерьян везде следует за мной, а его старший брат Оверьян находится при моем отце и матери.

Шарик... С Шариком дело обстоит сложнее. Потому что

это совсем не собака, как можно неверно подумать. И даже не кот. Шарик – это шаркань. Змееподобный дракон с крыльями, завезенный в наши края контрабандой из Венгрии. Как и скарбник, считается существом мало опознанным и крайне зловредным. То на богатыря нападет, то царевну свистнет, то ливень накличет. И касаясь ливня, кстати, правда. С осадками это чудо умеет каким-то образом управляться. Правда, каким именно – я понятия не имею. Шарканя мне подарили на десятилетие. Я очень просила у родителей щенка. Они и подарили. Даже Шариком назвали. Но потом выяснилось, что Шарик – это не в меру откормленный змееныш, родившийся от шаркани Бласки, хозяйкой которой была одна мамина старая знакомая. Надо было помочь женщине, и змеевичей пристраивали, как могли. Да уж. Тогда я была под сильным впечатлением. А сейчас уже ничего – привыкла.

Теперь этот безобразник в очередной раз отличился. В принципе Шарик не пакостник какой, однако и дня не пройдет, чтобы он что-нибудь не учудил.

– Итак, улучшаем фэн-шуй? – вздохнула я и потянулась за веником. Хочешь не хочешь, а убирать придется.

Шаркань, поджав хвост, шмыгнул под стол.

– Угу, – раздалось оттуда, – но вообще-то я не виноват.

– А кто? – возмутился Валерьян и рванул было в сторону спрятавшегося змея, но поскользнулся и грохнулся пятой точкой прямо в муку.

– Не я, – пробубнили из-под стола.

Я не обратила на это внимания.

– Итак, имеем беспорядок на кухне, перевод продуктов и скарбника в муке. – Протянув руку, я помогла встать на-супленному Валерьяну, взгляд которого обещал Шарику все казни египетские, стоит мне только оставить их одних дома.

– Не очень-то он похож на пельмешек, – ехидно заметил Шарик.

– Да я тебя! – вскипел скарбник, намереваясь кинуться на него с кулаками, однако я вовремя успела ухватить его за шиворот.

– Так, давайте вести себя прилично, – попросила я и вручила Валерьяну веник. – Вы еще помните, что через полчаса к нам должны прийти?

– Помним, – мрачно кивнул тот и принялся за уборку.

– Шарик, а ты немедленно вылезай и бери тряпку, – командовала я.

– Ну вот. Чуть что, так сразу Шарик, – пробубнил он, выбираясь на свет божий и принимаясь помогать Валерьяну. – Во всем змей виноват, понимаешь. Кто конфе... то есть царевну съел? Шаркань. Кто отрастил голов больше одной? Шаркань. Кто дождь заказал с самого утра? Опять шаркань.

– Отставить депрессивные настроения, взять курс на позитив, – тут же пресекла я все дальнейшие возмущения. – И голова у тебя одна, кстати. Вот что. Я быстро в магазин и назад. Если кто-то придет, постарайтесь не высовываться, но

задержите до моего прихода.

– Коллега, – пафосно обратился Шарик к сосредоточенно метущему пол скарбнику, – вам не кажется, что данное задание содержит две взаимоисключающие части?

– Шаркань, не умничай, а то получишь!

– Прошу пардону, – поклонился тот, тут же дав ход назад, и принялся драить пол.

– Нам печенье детям надо отдать, сегодня вечером. Если вы, конечно, не забыли, – напомнила я обоим и, больше не задерживаясь, метнулась к выходу.

Все же время не резиновое, а до магазина еще добежать нужно. Под дождем, разумеется. Иначе ж просто быть не может!

* * *

Так уж сложилось, что зонтики я не люблю с детства. Не люблю, и все тут. Как меня ни пытались приучить родители, что зонт – это хорошо и вообще в дождь от него одна только польза, баба-яга... в смысле ведунья и архивариус Вика была против. Поэтому прогулка по дождливой улице – дело отчаянно неприятное, но необходимое.

Влетев в магазин, едва не поскользнувшись, я умудрилась чудом удержать равновесие и не распугать молоденьких продавщиц. Правда, молоденькими были не все. Кондитерский отдел безраздельно и безоговорочно принадлежал да-

ме за сорок, именуемой всеми селянами «тетей Наташей». Она впечатляла достоинствами. И не только теми, на которые обращают внимание мужчины, а знала свой товар наперечет, поэтому можно было не опасаться, что придешь домой с чем-то несвежим.

– Доброго дня, тетя Наташ. – Оказавшись у прилавка, я тут же выложила деньги. – Мне нужны мука, изюм и что-нибудь на украшение сдобы.

– Привет, докторица, – кивнула она, ныряя куда-то вниз и доставая продукты.

В селе прозвище «докторица» за мной закрепилось почти с первого дня приезда. И как я ни пыталась от него откреститься – ничего не получалось.

– А это что? – подозрительно покосилась я на ярко-оранжевую упаковку.

– Это то самое «что-нибудь», – рассмеялась тетя Наташа. – Шоколадная присыпка. Сама пробовала – отличная вещь. Бери и не раздумывай.

– Есть, товарищ генерал, – отшутилась я, быстро сгребая купленное в пакет.

– А тебе зачем? – поинтересовалась она, отсчитывая сдачу. – Переквалифицироваться из лекарей в пекари решила?

– Да нет, – вздохнула я, забрав купюры и запихивая их в карман рубашки. – У деда Бойко внуки заболели. Надо подлечить, но с одним же лекарством не придешь к детям? А с гостинцами другое дело.

– И то верно, – кивнула тетя Наташа. – Сладкоежки мелкие.

– О да. Но я им по особому рецепту испеку, – хитро улыбнулась я.

Нет, ну не говорить же ей, что печь буду совсем не я, а Валерьян. Потому что по лекарским штучкам у нас мастер именно он. И печенье будет само по себе лекарством.

– Поделишься? – улыбнулась она, складывая руки на груди.

– Всенепременно, – пообещала я. – Ну, побегу, а то дел невпроворот.

– Давай, – кивнула продавщица. – Ой, Вика!

– Что? – Я чуть притормозила у двери, обернувшись в ее сторону.

– Тут о тебе расспрашивал какой-то мужчина. Сказал, что из города. Такой высокий, темноволосый, шрам на правой щеке. Знаешь такого?

– Из Чернигова? – удивилась я, не припоминая среди своих знакомых людей с такой внешностью. – Да вообще-то нет. А что он хотел?

– Просто сказал, что разыскивает Викторию Шестопалову. Якобы у него к тебе какое-то дело, – пояснила тетя Наташа.

– Хм, – нахмурилась я. Без дела в Вересочи у меня дня не проходит, но чтоб мной интересовался кто-то из Чернигова – это уже перебор. – Он случайно не представился?

Она покачала головой:

– Нет. Как только я ему объяснила, где тебя можно найти, он поблагодарил и тут же ушел.

М-да-а. Этого еще не хватало. Гостями мне сейчас и впрямь заниматься некогда. Но вообще-то если человек явится, то и отказать я не вправе. Посмотрим, что у него там. А вдруг что-то не такое уж плохое?

– Хорошего дня, барышни, – попрощалась я и покинула магазин.

* * *

Пожалуй, стоит кое-что разъяснить. По поводу целительских умений и не только. Начнем с того, что, когда я родилась, мир спасти было уже поздно. То есть, конечно, не факт, что без меня этот мир был бы намного лучше, но и со мной он не стал пределом мечтаний. Хотя бы потому, что росла я обычным ребенком. Ничем не выделяющимся среди остальных мальчишек и девчонок.

Мой отец Алексей Шестопалов – искусный резчик по дереву, человек творческий и пристрастный ко всякого рода мистике. В свое время он оказался в кругу тех, кто практиковал старые обряды. В духе нашего времени их вполне можно было бы назвать неоязычниками. Отец пришел к ним прежде всего для того, чтобы получить дополнительные знания по профессии. Знать, какое дерево лучше брать в работу, а ка-

кое трогать не стоит; в какой период искать подходящую древесину и так далее. Так вот среди этих самых неоязычников был человек по имени Елизар. Он много чему научил моего отца, преподав детали и хитрости резческого дела. Но при этом еще и посвятил в основы... хм, даже не знаю, как это назвать. Существует слово «магия», весьма точно обозначающее для нынешнего человека все волшебное и непонятное, но оно тут не совсем к месту. То, чему обучили молодого Шестопалова, а на тот момент ему было всего двадцать два года, выходило за рамки представлений о возможностях человека. Важнейшим условием стала вера в то, что делаешь. И в тех, к кому обращаешься и кого зовешь на помощь. Как-то уж так получилось, что отец никогда не принадлежал к скептически настроенным людям, отрицающим, что на земле нет никаких других существ, кроме описанных в учебниках по биологии.

Там состоялось его первое общение с теми, кто не имеет плоти. Там он понял, что элементали – не выдумки сказочников; что домовые и водяницы живут рядом, а шаркань вполне может быть домашним животным.

И там же отец познакомился с Полиной Огнеземовой – ученицей Елизара, очаровательной русоволосой девушкой, тоненькой, как тростинка, и волевой, как княгиня. Она была дизайнером по ткани. Через некоторое время они поженились, и на свет появилась я.

Поначалу все было нормально, ребенка, то есть меня, на-

звали Вико́й и начали делать из него человека. И вроде даже получалось. Но потом стали возникать определенные проблемы. Дитя́тко росло не совсем правильным. Нет, физически и умственно никаких отклонений у меня не было. Но, кроме окружающего мира, я постоянно видела вокруг себя еще что-то другое. Странное и непохожее на людей. Когда научилась говорить и рассказала родителям, то привела их в замешательство. Они не могли понять, каким образом необученный ребенок способен видеть места, в которых они сами сумели побывать только после уроков Елизара. Тот, кстати, посоветовал им не беспокоиться, сказав, что ничего плохого не случится. Просто попросил предупредить юное дарование направо и налево не болтать о том, что видит.

Чем старше я становилась, тем сильнее развивались мои способности. Самое точное для них определение – «созидательные». Назвать меня хорошей девочкой было трудно. Однако никто и никогда не ругал за разбитую посуду, ссаженные коленки, заляпанные плати́ца и расквашенный нос (было дело, училась кататься на велосипеде). Я успевала везде, благополучно круша и разбивая все на своем пути в силу неумемного фонтана энергии. Он всегда был направлен куда угодно, но только не в мирных целях. Впрочем, все через несколько минут возвращало себе первозданный вид, стоило только мне прикоснуться к «подпорченному» участку одежды или элементу декора.

Как это получалось – загадка даже для меня. До сих пор

не знаю точного механизма происходившего. Родители хотели меня пристроить в медицинское училище, чтобы я могла не только оказывать помощь людям интуитивно, но и разбиралась в лечении как таковом. Но Елизар отговорил их, мотивируя тем, что для исцеления мало умения, нужно еще и желание. Помочь я смогу лишь тем, кому очень захочу. То есть даже если попытаются развить свой лекарский навык, то все равно толку никакого из этого не выйдет.

Таким образом, я оказалась далеко от медицины и начала изучать архивное дело. Конечно, меня это сильно огорчило. Но Елизар уперся, что мне срочно нужно развить усидчивость и способность работать с бумагами. В результате чего меня отослали в государственное заведение, важно именуемое педагогическим университетом.

К своему удивлению, я обнаружила, что с заданиями справляюсь куда лучше своих сокурсников. Это дало массу свободного времени, а также возможность делать то, что мне нравится. Об этом, кстати, тоже позаботилось старшее поколение. Меня просто привели в огромную библиотеку Елизара и показали таинственные книги на непонятном мне языке и пожелтевшие от времени свитки. Хочешь прочесть – расшифруй. Это настолько захватило, что я могла просидеть в библиотеке всю ночь и потом рвануть на учебу в ускоренном темпе, чтобы не опоздать на пары.

Возможно, я бы спокойно и жила в родном Херсоне, если бы однажды в гости из Вересочи не пожаловал дед Бойко (он

же Бойко Богдан Степанович, агроном и пчеловод) – старый друг Елизара. Он рассказал, что в последнее время в родном селе болеют и стар и млад. Только вылечится один, как что-то тут же подхватит другой. Конкретной болезни не обнаруживалось, и ни о какой эпидемии не могло идти и речи, но дед Бойко, который в свое время был соратником Елизара, заподозрил неладное. Узнав о моих необычных способностях, он попросил меня на некоторое время поехать с ним в Вересочь, чтобы на месте разобраться, что к чему.

Я, разумеется, не отказала. К тому же в Чернигове и области никогда не бывала, а поездка казалась весьма неплохим способом развеяться, расширить кругозор, а также помочь людям. Если смогу, конечно. Но пока вроде никто не жаловался. Вот на пару с Валерьяном и справлялись.

* * *

Подойдя к дому, я поняла, что дед Бойко так и не пришел (а ждала ведь именно его). Эх, могла бы и не нестись, как горная коза. Вероятно, наш пчеловод закрутился так, что и свободной минутки не выкроить, чтобы заскочить за лакомством для внуков. Ладно, не страшно, сама отнесу.

Но, ступив во двор, я поняла, что в одиночестве мне побыть не придется.

– Вы Виктория Шестопалова? – раздался низкий приятный голос.

Подняв глаза, я увидела высокого худощавого мужчину. Он не был широк в плечах и ничем не походил на богатыря из сказок, однако чувствовалась необъяснимая сила, заставлявшая ощутить себя маленькой девочкой перед суровым взрослым.

Впрочем, внешне ничего сурового не было. Мужчина, конечно, возвышался надо мной на добрых полголовы. Черные длинные волосы, чуть прищуренные глаза (цвет не разглядела, ясно только, что темные). Кожа, правда, излишне бледная, правую щеку пересекает косой шрам. Сантиметра три, не больше. Подбородок узкий, губы тонкие. Ощущение, что улыбаться он не очень-то и любит. Одет незнакомец был достаточно просто и скромно – коричневая рубашка, черные джинсы, ботинки на шнуровке. В руках какой-то сверток. Обычный мужчина в общем-то. Разве что длина волос не слишком характерна для сельского жителя – видно, что городской щеголь.

Избавившись от наваждения, я кивнула.

– Да. Это вы меня искали? – Вопрос как-то сам сорвался с губ, хотя, наверное, не стоило вот так вот сразу начинать общение с корабля на бал.

Он кивнул:

– Меня зовут Радистав Покойленко. Елизар сказал, что вы можете мне помочь.

Ну и дела! Ну и имечко – Радистав! Неужели в наше время еще дают такие имена? На вид ему около сорока, вроде не так уж и стар. Но имя... Впрочем, чему я удивляюсь, в наше время может быть что угодно. Елизар тоже не очень распространенное имя. Но ему-то семьдесят два. И все же... Так, ладно, что-то меня занесло.

Искося рассматривая прибывшего гостя, я заваривала чай и пыталась понять, как он может быть связан с учителем моих родителей.

Разумеется, я завела его в дом, так как о чем бы то ни было разговаривать под дождем – не слишком приятное занятие. Пришлось позвонить деду Бойко и попросить перенести встречу на утро. Вблизи, кстати, Радистав оказался не таким уж мрачным типом. Ну, шрам и шрам, подумаешь! У меня тоже есть подобное украшение... на коленке. Тот самый привет из детства с велосипедом.

Зайдя в дом, гость осматривал все с каким-то особым интересом. Однако держался скромно и старался не надоедать чрезмерным любопытством. Судя по разговору, Радистав был человеком начитанным и образованным. Порой он вворачивал в свою речь такие словечки, что мне приходилось переспрашивать и уточнять. Слова... не иностранные, наши. Похожи на устаревшие, но в то же время несколько

специфические, словно из другого мира.

В любом случае это не испортило впечатления. Поставив перед ним чашку с ароматным чаем и усевшись напротив, пристально посмотрела на гостя:

– Я вас внимательно слушаю.

Справа раздался тихий шорох. Я и бровью не повела, так как прекрасно поняла, что, покрывшись паутиной невидимости, Шарик пристроился на полке с сахаром и слушает нашу беседу. Сто процентов, что Валерьян тоже где-то неподалеку. Но так как скарбник старше и во много раз опытнее змея, то услышать и почувствовать его я не в состоянии.

– Как официально, – улыбнулся Радистав, почему-тоглянув в кружку с таким видом, будто вместо освежающих травя насыпала в нее яду. Однако тут же сделал глоток и улыбнулся, словно одобряя вкус напитка. – Как я уже сказал, ваши услуги мне посоветовал Елизар...

– Позвольте перебыть, откуда вы его знаете?

Да, я знаю, что перебивать невежливо. Но, с другой стороны, Елизар не настолько уж знаменитая личность. К тому же он совершенно не афиширует свои умения. Правда, не особо и скрывает, но люди, далекие от искусства, о нем точно ничего не знают.

– Мы учились вместе, – спокойно ответил Радистав.

– Вместе? – Мои брови удивленно поползли вверх. – Простите, но сколько же вам тогда лет? Вы выглядите просто замечательно. И так... молодо.

Радистав рассмеялся:

– Не удивляйтесь, красавица, я намного младше Елизара. Но, когда сказал, что учились вместе, имел в виду не школу и институт, а те уроки, которые он преподает в своем... Как бы это сказать... обществе.

Общество! Еще бы сказал – секта! Тогда б вообще замечательно было! И какая я ему красавица? Я чужих комплиментов ох как не люблю!

Но показывать свои чувства не стала.

– Это было давно, – тем временем продолжал Покойленко. – И так же, как Елизар овладел способностью говорить с нематериальными жителями этого мира и видеть созданий, предпочитающих не встречаться с человеком, я обучился технике управления силами.

– Силами? – переспросила я, понимая, что явно что-то упустила.

– Силами, – подтвердил Радистав и, видя, что все равно не понимаю, вежливо уточнил: – Разрушения.

Какая прелесть. А с виду и не скажешь. Плохой мальчик, ежа тебе за пазуху.

– Не смотрите на меня так, Вика, – словно прочитав мои мысли, усмехнулся он. – Все не так страшно. Я не изучал стихийное уничтожение. Мое разрушение можно сравнить с зимой, заставляющей листья опадать с деревьев, чтобы весной на них смогли появиться новые почки и раскрыться цветы.

– Поэтично, – пробормотала я, почему-то почувствовав себя не очень хорошо. Ух, смотрит! – Впрочем, я не ставлю под сомнение то, что у нас слишком много нетронутых сфер, так что разрушение имеет такое же право на существование, как и созидание. В конце концов, именно так поддерживается гармония.

Спорить с очевидным не было смысла. К тому же у каждого своя специализация. Легче дается то, к чему вы расположены, – не иначе.

– Так вот, – Радистав чуть откинулся на спинку стула, – к вам я пришел, как только узнал, что вы обладаете способностями... Скажем, противоположными моим.

Я озадаченно посмотрела на него. Ну да, с созиданием и «починкой» испорченного справляться умею. Но на этом все заканчивается. Ничего масштабного я сотворить не смогу. Да и для этого огромные силы нужны. А также знания, чтобы не натворить бед.

Стоп. Я искренне удивилась собственным мыслям. А с чего вообще решила, что господин Покойленко попросит что-то грандиозное? Спасать мир, например? Бороться с политиками? Исправить вредный характер бабушки?

Впрочем, ладно. Из вышеперечисленного даже вряд ли справлюсь с бабушкой.

– Да, хорошо. Чем смогу – помогу, – кивнула я, допивая чай и отставляя чашку.

Радистав отодвинул свою и, взяв со стула сверток, поло-

жил на стол. При этом держал его крайне осторожно, словно это была огромная драгоценность.

– Вика, вы слышали когда-нибудь про место под названием Бурштынов Ир?

Длинные, чуть заостренные пальцы гостя дернули бечевку, освобождая спрятанный в свертке предмет. Уж не знаю, почему я уделила такое внимание его пальцам, но в ту секунду мне показалось, что раньше ни у кого таких не видела. Красивые. И какие-то... нечеловеческие.

Через секунду появилась удивительная имитация глобуса, сделанная из прозрачно-желтого янтаря. Правда, глобус – сравнение не очень уместное, форма какая-то уж больно неправильная, хоть смутно похоже на шар. А так – желтый-прежелтый, прям застывшие лучи солнца. В диаметре шар был где-то сантиметров двадцать пять. Может, чуть больше (глазомер всегда имел мерзкое свойство подводить в самый не подходящий момент). Казалось, от шара исходило золотистое сияние, создавая странное ощущение тепла и уюта. На гладкой поверхности находились искусно вырезанные материки и океаны. Рассматривать можно было не один час, однако такой роскоши я себе позволить не могла.

Протянув руку, коснулась кончиками пальцев янтаря и... пораженно замерла. Камень действительно был теплым. Надо же.

Радистав молча наблюдал за моей реакцией. Однако не отвлекал и не произносил ни слова, словно решив, что я долж-

на осмотреть предмет и прийти к определенным выводам. Сама. Чуть повернув шар, поняла, что одна четверть сколота, словно кто-то с силой ударил его обо что-то острое. А может, и вовсе хотел уничтожить. Правда, при этом получилось лишь отколоть кусок. Странно. Такая прекрасная вещь. И какой только варвар с ней так обошелся?

– Вижу, он вас заинтересовал. – Радистав чуть улыбнулся и достал из кармана плоскую коробку, которую тут же положил на стол. – Здесь. – Коробка с тихим щелчком открылась, и я увидела находящиеся в ней янтарные осколки. Такие же прозрачно-желтые, как и сам шар. – То, что когда-то было частью этой вещи. Я хочу, чтоб вы ее воспроизвели.

Я закашлялась. Ну вот. Все предельно просто и понятно. Вот тебе предмет, Виктория Алексеевна, бери и реставрируй. Что? Ты не реставратор? А кто? Архивариус? Не, не слышал. Бери, воспроизводи что дают.

– Да, вещь, конечно, прекрасна, – осторожно начала я, поднимая глаза на Радистава. – Но я далека от реставрации. И с камнями никогда дела не имела. Так что...

– Здесь не потребуются подобные навыки, – успокоил меня Покойленко. Я заметила, что в темных глазах пляшут смешинки. – Но потребуются ваши созидательные силы.

– Вот как, – отрешенно произнесла я, продолжая разглядывать шар.

Никогда ко мне с подобным не обращались. Созидать и восстанавливать разбитое при помощи нематериального.

Это несколько выбивало из колеи.

Исходящее от шара тепло свидетельствовало о том, что его создавали с большой любовью. Вероятно, тот, кто его делал, обладал добрым сердцем и не держал ни на кого зла.

– Мм... Радистав. – Я снова посмотрела на Покойленко. – Вы упомянули Бурштынов Ир. Что это такое?

Лично мне название ни о чем не говорило. Город, село, поселок? Что это? Я знаю, что на территории Украины есть город Бурштын. Если не ошибаюсь, в Ивано-Франковской области. Но на этом мои познания заканчивались.

– Говорят, когда-то неподалеку от нынешнего Бурштына находилась деревня Бурштынов Яр, – начал Радистав.

Ага, значит, мыслю в верном направлении. На минуту показалось, что вся мрачность Покойленко куда-то испарилась. Словно слетела ненужная маска.

– Но кто-то сделал ошибку и зафиксировал в документах ее как Бурштынов Ир. Исправлять, конечно, не стали. Бумаги, которым, по моим прикидкам, лет сто, а может, и больше, вряд ли кого-то заинтересуют. Особенно если учесть, что большой ценности они не несут, а так... пылятся в ивано-франковской библиотеке. Если б не специфика работы, я б о них тоже не знал.

– А вы...

Да, знаю-знаю, перебивать некультурно. Но ничего не могу с собой поделать.

– Историк, – улыбнулся Покойленко. – Правда, сейчас

занимаюсь составлением генеалогических древ для состоятельных людей.

Ну конечно. Платят наличными. Да и каждый хочет быть князем или графом. Есть деньги – подайте титул. Все нормально.

– Вот там и наткнулся на информации о Бурштыновом Яре. А также на рисунки этого, с позволения сказать, глобуса. Говорилось, что он обладает удивительными свойствами.

Угу, показывать будущее, например, да?

Откуда-то с полки донесся звук, похожий на фыркание. Радистав резко обернулся, а я погрозила кулаком невидимому шарканю. Нашел время выразить свое мнение!

– Ну так вот, – Радистав снова повернулся ко мне, – возможно, я бы не обратил внимания, но однажды мой друг завел разговор о янтарном сокровище Бурштынова Ира. Это наш с Елизаром общий знакомый. Он тоже пытался обучаться... – Покойленко замолчал. – Он посвятил много времени поиску этого шара. Но, не обладая нашими с Елизаром силами, влез в такую область, что... Кое-что Кирилл сумел заключить в этот янтарь. Но оно же его и убило. Сила, обращенная против своего хозяина...

Почему-то именно в этот момент у меня появилось горячее желание вручить Радиставу его глобус, коробку с осколками янтаря и, выпроводив из дома, повесить на дверь табличку «Помощь бедным и обездоленным не здесь, а за углом».

Покойленко тем временем как ни в чем не бывало продолжал:

– Я прошу воссоздать его первоначальную форму. Больше ничего.

– Зачем? – спросила я, подозрительно взглянув на него.

– Чтобы то, что удалось заключить сюда Кириллу, не вышло наружу, – серьезно ответил Радистав. – У меня есть друг, который сумеет заточить силы. Но он не умеет создавать. Только закреплять, только сохранять.

Покойленко замолчал и бросил взгляд на часы.

Странный тип. Очень странный. И странное дело предлагает. И браться за него не стоит. Но... Вот родители подобную трусость не одобрили бы. Да и Елизар тоже. Он же не просит куда-то идти и спасти мир. И все же...

– Поздно уже, – пробормотал Радистав. – Простите, что отнял столько времени.

– Да ничего страшного, – сказала я. Из вежливости, разумеется.

– Так вы... беретесь?

– Да, – четко прозвучал ответ.

И... не поверите, но даже для меня он был неожиданным.

Глава 2

Огонь-мост

– Странный тип, – заметил Валерьян, словно прочитав мои мысли. Потом глянул в окно и поставил чашку на блюде. – И дела предлагает странные. Вроде и особо беспокоиться не о чем, но...

– Мне он не нравится, – подал голос из угла Шарик, с утра уже успевший кокнуть пиалу и теперь собирающий осколки в мусорное ведро.

Так, надо будет приглядеть за ним, а то вечно что-то крушит и ломает.

Валерьян хмыкнул и посмотрел на пыхтящего от усердия Шарика. В отличие от шарканя он сидел за столом причесанный, румяный, в красивой красной рубашке с белой вышивкой. Имущество не портил и культурно изъяснялся.

– Совсем не нравится, – упрямо повторил Шарик, наконец убрав все последствия погрома и взобравшись на табурет.

– Чем? – поинтересовалась я, складывая печенье в коробку (пришлось его печь ночью).

– Сложный вопрос. – Морда шарканя приняла глубоко философское выражение.

– А ответ такой ясный и понятный, – кивнула я, поворачиваясь к честной компании и складывая руки на груди. –

С одной стороны, действительно много непонятного. С другой... Порой происходят вещи, которые нам кажутся полным бредом, но на самом деле им есть логичное объяснение.

– Например? – полюбобытствовал Валерьян.

Несмотря на отношение к Шарикю, сейчас он был на его стороне. Хоть и столь явно не показывал этого.

Я растерялась, понимая, что ничего конкретного сказать не могу. Поэтому с громким щелчком закрыла крышку коробки. Почему-то внутреннее упрямство не давало возможности сразу же согласиться со сказанным. Сделав вывод, что стоит подумать, а заодно и позадавать знающему человеку определенные вопросы, строго наказала обоим сторожить дом. И больше ничего не крушить.

* * *

Человек знающий, он же Богдан Степанович Бойко, работал на заднем дворике настолько увлеченно, что даже не сразу услышал мои шаги.

– Доброе утро, Богдан Степанович, – поздоровалась я.

Дед Бойко выпрямился и обернулся. Он держал топор, рукава белой льняной рубахи были закатаны до локтей. Седые волосы перехвачены темно-синей лентой, что придавало ему сходство скорее с волхвом из старинных сказок, чем с простым сельским жителем. А вот весьма потертые мешковатые штаны развеивали все наваждение.

– И тебе того же, Вика. Заходи. – Он сделал приглашающий жест, указав топором на дом.

Стоило войти внутрь, как Танька и Мишка – внуки деда Бойко – тут же на мне повисли с радостными криками: «Ура, пришла тетя Вика!» Уж не знаю, почему малыши всегда на меня так реагируют, но факт остается фактом. Детям я нравлюсь. И не только бойковским.

– Держите, разбойники. – Я вручила им коробку. В нее тут же вцепились четыре шаловливые ручонки. – Смотрите только, поделите по-честному.

– По-честному – это когда все мне, – убедительно сообщил Мишка.

Танька не стала громко возражать, но показала брату язык, выражая свое отношение к его принципам дележки, и потянула на кухню вместе с печеньем.

– Ай-ай-ай! – Появившийся в дверях Богдан Степанович покачал головой. – А благодарить кто будет?

– Спасибо, тетя Вика! – дуэтом выпалили дети и быстро выбежали из комнаты пробовать угощение.

Дед Бойко сел рядом со мной на диван.

– Ну что на этот раз?

– На этот раз провела эксперимент и попробовала заключить восстановительные силы в тесто, – хмыкнула я. – Но Валерьян помогал.

Хозяин дома удивленно посмотрел на меня:

– Вот как. Так ты еще и кондитер?

– Ну, – я немного замаялась, вспомнив слова мамы, – кое-что могу. Великий повар из меня вряд ли когда-то получится.

Дед Бойко рассмеялся и несильно хлопнул меня по плечу:

– Было бы желание. Остальное всегда решается.

– Это да, – кивнула я. – Кстати, у меня тут вопрос.

– Да? – Дед Бойко взглянул на меня. – Давай.

– Как вы познакомились с Елизаром?

Он искренне изумился, внимательно посмотрел на меня, потом кивнул, словно что-то для себя решил.

– Давно дело было. Встретились как-то раз в вересоченском лесу. Нам тогда по девятнадцать лет было. Елизар не очень-то хорошо управлялся с силами. – Дед Бойко подмигнул мне. – По сравнению с тобой и вовсе в «почтенном» возрасте овладел ими.

Нет, а что сразу Вика? Неужели я единственная, кто с рождения умел видеть потусторонний мир? Вряд ли.

– Так вот, – тем временем продолжал Богдан Степанович. – Елизар заблудился в наших местах. А я как раз бродил здесь с нашим егерем. Вот так и познакомились. Хоть специфика у нас и разные, но я был чертовски рад встретить человека, не чуждого нашему знанию. С тех пор наше общение – это периодические поездки из Вересочи в Херсон и наоборот.

– А в чем разница ваших... специфик? – осторожно уточнила я.

– Елизар управляет стихиями. В основном водой и воздухом. Я больше человек земли. И природник. Я очень хорошо чувствую лес и знаю его жителей.

Некоторое время я обдумывала сказанное. Значит, вот как. Дед Бойко вполне может не знать обо всех знакомых Елизара. К тому же вместе они не обучались. М-да, задачка.

– Вика, что тебя тревожит? – Все же опыт прожитых лет и внимательность к мелочам деда Бойко не дали мне возможности скрыть истинные мотивы задаваемых вопросов.

– Не то чтобы тревожит, но... вчера ко мне пришел человек по имени Радистав Покойленко.

Я в деталях передала ему наш разговор, а также все про карту и осколки. Когда дошла до истории про Бурштынов Яр, Богдан Степанович искренне удивился.

– Что-то я никогда не слышал о таком месте. К тому же чтоб янтарь и здесь... – Он покачал головой. – Сомневаюсь. Впрочем, спорить не буду, потому что в этом мире может случиться все без исключения. Но и о таком знакомом Елизара я никогда не слышал. Спроси лучше у него самого.

Ситуация мне не нравилась. С одной стороны, Покойленко не внушал доверия, но с другой... а вдруг устрою панику на пустом месте? Вдруг он и впрямь коллекционер-любитель да историк?

– Ты же знаешь, что нас, владеющих силой, не так мало. Но мы не демонстрируем свои способности всем подряд. Или, точнее будет сказать, людям, не раскрывшим своего по-

тенциала. Этот Радистав вполне может быть черниговским ведуном. Но... Чтобы в Чернигове не было людей, способных отреставрировать сферическую карту, – не поверю. Город древний, там кого только не сыщешь!

Да уж, что есть, то есть. Не менее тысячи лет стоит, кого там только нет!

– Он говорил, что его друг погиб, – напомнила я. – Может, он не хочет еще раз рисковать?

– Сделать тебя подопытной мышкой? – нахмурился дед Бойко. – Силу не стоит использовать во вред другим. Это обязательно вернется бумерангом. Причем во много раз сильнее.

– Да, – кивнула я, – знаю. Но пока у меня нет объяснений его поступкам.

Богдана Степановича такое заявление явно не утешило. Он лишь сильнее нахмурился и некоторое время молчал. Однако все же потом вздохнул и сказал:

– Давай так – пока не трогай эту вещь. Изучи. Но внутрь не лезь. Лучше просмотри всю доступную документацию о Бурштыновом Яре. С Елизаром я сам свяжусь. И потолкую о господине Покойленко тоже.

Я не возражала. Дед Бойко предлагал мудрый подход к делу, и оспаривать не было смысла.

– Спасибо, Богдан Степанович.

– Да пока не за что, – отозвался он. – Посмотрим, как оно сложится.

Легко сказать: поищи информацию. Оказавшись дома, я первым делом залезла в Интернет. Пожалуй, пока единственный источник информации. Ехать в Ивано-Франковск я не готова, а в деревне, разумеется, архивов нет. Кстати, никаких упоминаний о деревне Бурштынов Яр я так и не нашла. Слово сочетание Бурштынов Ир мне попало всего один раз, и то всего лишь упоминалось в какой-то легенде. Сама легенда рассказывала про «мост о четырех дорогах, что ведут в разные края».

Я чуть нахмурилась. Почему-то появилось странное ощущение, будто я где-то это уже слышала.

«В глухолесье, где нет дороги человеку, где звери не ходят, а птицы не летают, течет речка Бурштыница. И вода ее прозрачна, а дно – чистый янтарь. Говорят, через речку был перекинут Огонь-мост. Да так жарко и горячо пылал он, что пройти по нему не могла ни одна живая душа. Только бес-телесный мог пролететь над ним да не стать пеплом. Уводил Огонь-мост в царство мертвых, туда, куда нет ходу живому. Порой искры да языки пламени слишком далеко отлетали от него и падали в студеную воду, превращаясь в янтарные осколки. Оттого и дно Бурштыницы оранжево-желтое, все покрытое застывшим пламенем. Но при этом не каждый мог увидеть Огонь-мост таким, каков он есть на самом деле.

Даже если случайный путник и забредет в дремучий лес, то увидит простой мост – скучный да серокаменный. И ведет к такому берегу, что в здравом уме не осмелишься туда и приблизиться. Гиблые там места, словно преддверие к миру мертвых, но на земле...»

Потратив около часа, я отыскала еще и такое продолжение легенды.

«Но раньше, чем начал пылать Огонь-мост, был он единым целым, полностью сотворенным из солнечного и лунного янтаря, наполненным светом звезд, с которых пришли наши предки. Вел он в места, что не в этом мире и не в том, нет там ни дня, ни ночи, а жизнь течет вспять. Не может неведающий да незнающий попасть в это место. Мигом вспыхнет огнем янтарный мост, преграждая путь. Иром Бурштынским зовется то место, когда-то основанное нашими предками да скрытое от чужих глаз. Охраняют его девы-огневицы, что повелевают пламенем, преграждая огненной стеной путь через речку».

На этом легенды заканчивались. Не густо, конечно. И чертовски обидно. С одной стороны, эти две истории противоречат друг другу. Но и та и другая выглядят всего лишь как сказки. Скорее всего какой-то умелец начитался историй про загадочное место и создал этот янтарный шар. Нет, как дитя своих родителей я не отрицала, что все может быть, и там, где у обычных людей сказки и предания, у нас... э... настоящий шаркань. Но... все равно всему должен быть предел.

Протянув руку, я взяла со стола шар и принялась его рассматривать. Мастерская, действительно мастерская работа. Тут и говорить нечего. Искусно вырезанные реки, холмы, во-он хорошо видно, как обозначен лес. А здесь три небольших озера, и медово-желтый цвет – более насыщенный и темный, словно резчик пытался показать глубину воды. А может, пытался предупредить, что вода здесь лихая и ходить не стоит? Не знаю. Вот возвышаются горы, а вот... Я чуть нахмурилась, внимательнее вглядываясь в середину шара. Там собиралось какое-то сияние и медленно, очень медленно вращалось вокруг своей оси. В какой-то момент я с изумлением осознала, что сияние напоминает Вселенную. Миниатюрная Вселенная, заключенная в янтарном глобусе. Невроятно! Но это было именно так. Золотые звездочки, казалось, притягивали, манили к себе. При этом шар в моих руках стал довольно горячим. Но не обжигал, скорее согревал, словно вливал в кровь целительную силу, давая странное ощущение полной свободы и могущества. Как бы там ни было, но Покойленко знал точно, что в шаре заключена сила.

– Вика! – Резкий окрик Валерьяна вывел из странного оцепенения, а руки скарбника быстро отобрали шар. – Ты что тут делаешь?!

– А? – Я непонимающе уставилась на него. – Вроде бы ничего противозаконного.

– Ты на него как-то странно смотрела, – пояснил Шарик, выглядывая из-за плеча Валерьяна. – Словно увидела что-то

неизведенное.

– Ну, сами посмóтрите – поймете, – проворчала я. – В любом случае могу сказать одно.

– Что?

– Зла в шаре нет. Просто не чувствую. Сила есть, а зла – нет.

– Это радует, – кивнул Валерьян. – Впрочем, не могу не согласиться – я тоже не чувствую ничего дурного. – Он повернулся к шарканю: – А ты?

– А я по магии не того, – насупился тот. – Могу определить смертельную угрозу только в том случае, если она стоит прямо передо мной и размахивает топором.

– Это ты про деда Бойко, что ли? – подозрительно поинтересовалась я.

Змей презрительно махнул хвостом и забрался на кровать, показывая, что не будет больше дискутировать.

– Но интуиция-то у тебя есть! – не отставал Валерьян.

В принципе он был прав. Интуиция таких, как Шарик, дорогого стоит.

– Есть, – через некоторое время ответил шаркань. – Но это «есть» намекает, что этот янтарь не из нашего мира.

– Хм, вот как. – Я задумалась. – А что вы оба знаете о местах, не принадлежащим нашему миру?

Валерьян и Шарик переглянулись. Вопрос оказался достаточно серьезным.

– Смотря что тебя интересует, – начал скарбник. – Вот,

например...

– Огонь-мост, – решила я сразу дать верное направление ходу его рассуждений. – Слышали ли вы когда-нибудь о нем?

Валерьян почесал тыковку и опустился на первый попавшийся стул. При этом янтарный шар он продолжал держать в руке.

– Вот так чтобы часто – нет. Я слышал давным-давно, что где-то на нашей территории действительно был мост из огня, уводивший в мир предков, которые не захотели покидать землю. Но так как среди живых им нельзя было оставаться, они скрылись в мире, который вроде и рядом, но не пересекается с человеческим.

– В мир предков? – уточнила я.

Этой темы Елизар практически не касался. Потому что здесь, как я понимаю, нужны просто огромнейшие знания и опыт. То есть по чуть-чуть, в домашнем обиходе все без исключения с ними сталкиваются, ведь воспоминания – это уже связь с предками. Но вот так чтобы говорить с духом – нет. Елизар негативно относился ко всем спиритическим сеансам, а также к пророкам и экстрасенсам. Человек, который на самом деле владеет силой, не нуждается ни в атрибутике, ни в чем-либо другом. Ему не нужны специальные инструменты, определенные дни календаря и правила фэн-шуй. Он может спокойно говорить с духами и нечеловеческими созданиями. В этом ему помогают только две вещи: разум и душа. Больше ничего. Да, и еще. Тот, кому и впрямь не чуж-

ды силы и знания, не кичится этим и не хвалится. Не говоря о том, чтобы развешивать объявления на стенах домов, а также оповещать через газеты, телевидение и Интернет о своем даре и желании помочь людям. Тот, кто действительно желает помочь, – помогает. При этом информация не расходуется вокруг. То, что никто не прячет, – особо и не видят. Так уж получается. Это не значит, что от людей нет благодарности, но силы сами помогают укрыться от злых языков да недобрых глаз. К слову, те, кто использует силу в нехороших целях (не буду скрывать, есть такие), постоянно на виду. Однако долго творить зло у них все равно не получается. Потому что рано или поздно гармония восстанавливается, ведь добро и зло должны быть уравновешены в этом мире.

– Именно, – подтвердил Валерьян. – Но я простой скарбник, предков человеческих не настолько хорошо знаю, чтобы что-то точно утверждать.

– А вот я слышал, что Огонь-мост вел в древний город, где жила единая раса, – неожиданно подал голос Шарик.

Я внимательно посмотрела на него:

– Единая раса? Это славяно-арии, что ли? Или какие им там еще приписывают названия?

– Угу, и планету, которую они якобы колонизировали и назвали Мидгард-землей.

– Очень уж это по-славянски – самим колонизировать планету, а потом взять да и назвать ее скандинавским словом, – хмыкнула я.

– Конспирация? – предположил Шарик с самой серьезной мордой, на которую был только способен.

– Безусловно, – кивнула я. – И праязык славянский, и все народы тоже пошли от нас.

Нет, ребята, я – патриотка. Но принимать агрессивно разрекламированную версию о том, что «и не было ничего, а потом только мы», тоже отказываюсь. Версия, которая называет ученых лжецами, а сама практически не подкреплена ни находками, ни вещественными доказательствами, у меня восторга не вызывает. Эзотерика – вещь небесполезная, но встречаются перегибы. В связи с этим доверия к данной сфере у меня нет никакого.

– Названия-то названиями, – вступил в разговор Валерьян, – но если вспомнить все истории да предания, то исключать такую возможность не стоит.

– Да, вы бы еще Атлантиду вспомнили, – пробормотала я. Однако не из желания опровергнуть его слова, а скорее просто из вредности характера.

– Можем и вспомнить, – ни капли не смутился скарбник. – Вполне возможно, что она где-то до сих пор есть. Так же, как и Огонь-мост.

– Атлантида затонула, – пробурчала я. – А Огонь-мост, ты сам сказал, находится где-то на территории нашей страны. Вот, смотрите, – я развернула ноутбук монитором к нему. – Второй абзац.

Валерьян, прищурившись, тут же начал читать текст, а

Шарик изогнулся и заглянул с другой стороны.

– Убери морду, – шикнул скарбник, отодвигая змея и продолжая внимательно читать.

– Подумаешь, – засопел тот.

Но на этом возражения закончились.

– А что... – через некоторое время протянул Валерьян, – занятная легенда.

– Ага, мне про дев-огневиц понравилось, – кивнул шаркань.

– Ах, ты ж охальник, – рассмеялась я.

Неожиданно с кухни послышался оглушительный грохот и звон битого стекла.

Вскочив на ноги, я рванула туда. Шарик сумел обогнать меня, Валерьян тоже не отставал.

Я не сразу поняла, что произошло. Лишь увидела разбитое окно и множество осколков на полу.

– Вика, смотри! – крикнул Валерьян.

Но было поздно. Темно-красный уголок коробки, в которой лежали янтарные осколки, мигом перевалился из окна на улицу, словно его кто-то с силой тянул.

Метнувшись к подоконнику, я быстро выглянула, однако никого рассмотреть так и не сумела. Казалось, все замерло. Ни единого намека на движение и тех, кто произвел диверсию. Через несколько секунд шевельнулась опавшая еловая ветка, и мне почудилось, будто на секунду я встретилась с взглядом ярко-желтых глаз. Тут же раздалось приглушен-

но-торжествующее «цвирк», и среди зеленой травы полыхнул огненно-рыжий пушистый хвост. Абсолютно растерявшись и находясь в состоянии полного недоумения, я молча уставилась на лесную дорожку, теряющуюся в еловой роще.

«Допрыгалась, Виктория Алексеевна», – угрюмо подумала я.

– Итак, – раздался за спиной мрачный голос Шарика, – оплот здоровья селян и единственную ведунью во всей Вересочи обокрали.

– Причем не кто-то, а белки, – не менее мрачно добавил Валерьян.

Глава 3

Лесомир и Веселина

Я недоверчиво покосилась на скарбника:

– Белки? Ты уверен?

– Да. – Выражение его лица было абсолютно серьезным. – Зрение у меня будет все же получше человеческого.

Я по-прежнему не могла поверить, что белкам есть дело до янтаря. Даже вересоченским. Хотя... чем это они отличаются от других? С другой стороны, никто не может поручиться, что духи леса не догадались избрать беличью форму и пожаловать ко мне в гости. Другой вопрос, что они одолжили без спроса вещи, которые отдавать я никому не собиралась. Оставить все как есть, естественно, нельзя. Ведь, что бы я ни думала о Радиставе, сказать ему: «Я вам ничего не сделала, у меня белки украли запасные детали», – разумеется, не смогу.

– Безобразие, – проворчала я, тяжело вздыхая и отходя назад. – Теперь еще и окно ремонтировать. Вот хозяйка обрадуется, когда увидит, что ее квартирантка сотворила с окнами.

– Вика, – недовольно посмотрел на меня Шарик, – ну что ты как маленькая! Восстанови его по-своему!

М-да. Об этом я как-то не подумала. К тому же соседей

сейчас рядом нет, вряд ли кто увидит, что я делаю не совсем то, что положено стекольщику.

Даже не знаю, что люблю больше: свой человеческий облик или облик... Шестопалой. Да-да, именно такое прозвище я получила среди ведунов с легкой руки Елизара. По фамилии, так сказать. Когда я подросла и уже неплохо управлялась с силой, родители выяснили, что я могу приобретать облик существа, которое обычным людям лучше не показывать. Нет, страшного ничего не было. Но мое тело превращалась в радужную дымку, лишь отдаленно напоминающую очертания человеческой фигуры. Я легко могла проходить сквозь стены и некоторое время передвигаться, не касаясь земли. С водой дело обстояло намного хуже. Просто шла ко дну, и все. Вдобавок ко всему на обеих руках между средним и безымянным пальцами вырастал еще один. Длинный, с изогнутым когтем, переливающийся разными цветами.

Это тело не принадлежало миру людей. И законам физики не подчинялось. Поэтому было весьма сложно объяснить, почему я, будучи не тяжелее дыма, тону в воде. И обладая подобной туману структурой, могу спокойно взять любой предмет и даже дать кому-нибудь осязаемого пинка (пинки порой доставляли особое удовольствие.) Именно при помощи этих метаморфоз мне удавалось разбитое сделать целым, а поломанное восстановить и залатать. Шестопалая или ведунья с радужными пальцами – именно так меня называли ученики Елизара.

В этот раз я не стала полностью менять обличье, лишь точку изменила форму рук. Ладони и пальцы стали неуязвимы для битого стекла, а кисти тут же окутал жемчужно-серый туман, аккуратно и быстро притягивающий осколки. Моя работа напоминала очень быструю выкладку мозаики, сквозь которую просвечивало серебристое сияние. Через несколько секунд стекло было как новенькое, словно его и не касались лапки злоумышленников.

– Красота, – похвалил Валерьян, прихватил тряпку и принялся вытирать стекло. – Окно мыли аж на той неделе, – пояснил он свои действия.

– Ты прямо как домовой, – фыркнул Шарик.

– А что делать, если у нас домового нет, – спокойно отозвался скарбник, кажется, совершенно не обидевшись на тон шарканя.

– То есть как это – нет? – неожиданно раздался у меня за спиной хриловатый голос, полный удивления и возмущения. – Это кто ж такую глупость выдумал-то?!

* * *

М-да, Виктория Алексеевна, нехорошо так себя вести. Дом не проверять, полагаться на то, на что полагаются только неискушенные смертные. Нет, ну как можно было взять и не прощупать дом?! Можете не удивляться, но даже в наше время в каждом доме обитает домовой, а в квартире –

квартирный. Просто ведут себя тише, чем раньше, а во всем остальном они ничем не отличаются от своих предков.

Домовой Остап, для своих просто Ося, оказался дородным низкорослым мужичком с густой курчавой бородой, гладкой лысиной, крупным носом картошкой и короткими толстенькими пальчиками. Носил он вышитую рубаху, красные шаровары и плетеные лапти. В общем, и домой, и на работу – как на праздник.

Оказалось, что Остап был в лесу, гостил у двоюродного брата-лешего, поэтому и пропустил момент нашего заселения. Домовой оказался существом веселым и крайне доброжелательным. В особый восторг его привел Шарик. Остап уговорил его сходить с ним к озеру и показаться знакомой водянице-сплетнице, которая ни за что не желала верить, что шаркани существуют.

– Существуют, существуют, – заверил Шарик, набив рот лесными ягодами (не знала, что Шарик такое ест!), принесенными Остапом от хозяина леса. – Я ей мигом развею все сомнения.

– Ты? – хмыкнул Валерьян, однако на этом его ирония иссякла.

– Значит, у вас тут уже произошло что-то неприятное? – Остап кинул взгляд на окно.

Я посмотрела на домового с уважением. Профессионал. Сразу почуял, что на подвластной ему территории что-то стряслось. Хоть окно внешне ничем не отличается от того,

каким было несколько часов назад.

– Да, – кивнула я. – Произошло.

С одной стороны, наверное, не стоило рассказывать о янтарном шаре, но с другой – меня не просили держать приход Радистава в полном секрете. К тому же раз имеется брат-леший, то, возможно, он знает всех местных беспредельщиков и подскажет, кто мог нам так напакостить. Не откладывая в долгий ящик, я в общих чертах поведала Остапу все, что тут творилось со вчерашнего вечера до сегодняшнего дня. Остап молча внимательно выслушал меня, ни разу не перебив и не задав ни единого вопроса. Янтарный шар он осмотрел с интересом. Однако я так и не поняла, что именно домовой думает о самом предмете и ситуации в целом. Когда я упомянула Бурштынов Ир, домовой только покачал головой, давая нам понять, что название ему совершенно незнакомо.

– Все понятно, уважаемые. – Он хлопнул рукой по столу. – Хочешь или нет, а в лес нужно идти обязательно. Потому что никто другой вам толком ничего не скажет.

– А белки? – уточнила я. – Кто-нибудь может баловаться, принимая их обличье?

– Обижаете, барышня, – оскорбился Остап. – У нас не принимают обличья. У нас звери сами по себе способны на такое, что ого-го!

Мне стало немного стыдно – могла бы и не задавать подобный вопрос. Не все оборотни – волки да медведи. Белки и ежи, например, ничем не хуже. А может, даже лучше!

Потому что на первых порах никто и не заподозрит их в каких-то безобразиях. Да и не сохранилось почти никаких легенд и сказок про таких зверей.

– И как зовут это ваше «ого-го»? – осторожно спросил Валерьян.

Остап вздохнул:

– Я, конечно, не могу утверждать, что это именно они, но подозреваю, что это дело лап и хвостов Лесомира и Веселины.

– Лесомир и Веселина? – Я изогнула бровь, пытаясь понять, почему заподозрили именно эту пару (уверенность, что это именно пара, а не брат с сестрой, была чисто интуитивной).

– Именно. Вот так имена у разбойников, да? – хмыкнул Остап. – Они ребята неплохие, но если где-то какая-то заварушка, то сразу тут как тут. Да и в каком-то смысле они официальные послы и представители вересоченских белок.

– Ой, мамо, – пробормотал Шарик, поджимая хвост. – А почему все так серьезно? И с кем могут договариваться белки?

– Да много с кем, – туманно ответил Остап.

Мне почему-то это не понравилось. Ни ответ домового, ни страх шарканя. Может, он, конечно, паясничает, но что-то здесь не так.

– А если поконкретнее?

– Много созданий живет в лесу, – пояснил Остап. – При-

чем о некоторых люди ни сном ни духом. Чего не скажешь о лесных жителях. Духи деревьев дают белкам кров и пищу. Мавки приносят вести, леший следит, чтобы никто не нарушал установленные правила. И так далее. Сами понимаете, слишком много всяких существ – разных да непутевых. Глаз да глаз нужен.

– А зачем белкам мог понадобиться янтарь? – Валерьян внимательно посмотрел на домового.

Тот покачал головой:

– Не знаю. Это лучше вам самим у них спросить. Но мой совет – дождитесь темноты. Вместе пойдем, я вас сам к брату отведу.

– А почему темноты? – подозрительно покосилась я.

– Эх ты, – вздохнул Остап. – Ну кто ж ходит по лесу в поисках лесного народа днем, когда можно встретить обычного человека?

Я прикусила язык. Что правда, то правда. Об этом я как-то не подумала.

– Хорошо, – кивнул Валерьян. – К вечеру мы будем готовы.

Шаркань тоже негромко поддакнул и принялся уплетать новую порцию ягод. Что-то он не то ест, надо будет выбрать время и понаблюдать за ним.

По правде говоря, с лесом у меня не сложилось. Не в смысле сейчас, а в далеком детстве. Все же жителем я была городским, и единственный лес, в который меня несколько раз привозил отец, был наш – Цюрупинский.

Здесь все обстояло иначе. Да и лес на севере страны совсем не такой, как на юге. Легко ступая по засыпанной опавшими иголками и веточками дорожке, я направлялась в глубь сосновой роши. Краем глаза видела исходящее от моего тела радужное сияние, однако в таком облике передвигаться куда удобнее, чем в человеческом.

Леший оказался грамотным и сообразительным парнем, поэтому прежде всего отправил меня к Сосне, что плачет. Поначалу я не поняла, что означает такое название, однако наш хозяин леса пояснил, что Сосна эта уже не один век словно окутана золотистым светом и не раз под ней находили янтарные капли – слезы. Как да почему – никто сказать не может, потому что давно уже исчез тот, кто жил в ней, и спросить не у кого. Услышав про Лесомира и Веселину, леший по-доброму рассмеялся.

– А как же, обязательно их найдете, – заверил он. – Они как раз живут возле Сосны.

Оставив Шарика и Валерьяна разведывать обстановку, дальше я пошла без них. Скажете, неразумно идти в одино-

честве, когда не знаешь, что тебя ожидает? Согласна, так и есть. Но даже если тут и подстерегает какая-то опасность, с которой мне не справиться, одна я смогу уйти быстрее, чем вместе со своими друзьями. Ни Валерьян, ни шаркань не умеют растворяться в воздухе. А это крайне полезное свойство, когда тебя хотят послать в крайне нехорошее место (мир мертвых, например).

Лес не спал. Лес жил ночной жизнью. Где-то совсем близко ухала сова. Слева доносился шелест, справа – приглушенный треск. Ветер приятно охлаждал лицо. С каждым вдохом в легкие попадал удивительный, наполненный лесными ароматами, воздух. Будь я более сведущей в этих делах, возможно, даже сумела бы определить, что именно это за запахи.

Вздохнув, я ускорила шаг. Ночь не бесконечна: если буду блуждать здесь до восхода солнца, то ничего хорошего из этого не выйдет. Не стоило задерживаться возле черного озера и смотреть на прозрачную, как оникс, воду. Да и любоваться ночными водяными тоже. Красивыми, кстати. Эх ты, Шестопалая, как вечно говорит моя матушка. Все по молодцам да по красным. Хотя лично я не видела в этом ничего дурного. К тому же смотреть можно, а руками трогать не советуют.

Вежливо поздоровавшись с духом ели в причудливом наряде из иголок (здесь со всеми так принято, нельзя показаться невежливой, ибо вмиг запомнят и уважать не станут), я свернула налево и неожиданно оказалась на поляне.

Сразу в голову пришла мысль, что я попросту покинула темную часть рощи. Однако, сообразив, что именно дает мягкий золотистый свет, поняла, что леший был прав.

Сосна, что плачет, – и впрямь крайне невероятное зрелище. Она стояла рядом с другими деревьями, однако из земли словно исходил столб огненно-янтарного света, окутывающий ее от самого низа и до верхушки, устремляясь желто-золотым лучом в темный бархат ночного неба. Корни, как солнечные лучи, сияли снизу, будто свет проходил сквозь землю. Каждая иголочка сверкала, словно отлитая из бронзы, а ствол казался высеченным из солнечного камня. Удивительно, непонятно и... совершенно ни на что не похоже! Может, не зря сюда пришел Радистав со своим Бурштыновым Иром? Может, истории про Огонь-мост – вовсе не сказки?

Я осторожно вышла из спасительного укрытия деревьев и направилась к Сосне. Разумеется, так ее видят лишь жители леса и те, кто, как я, обладает силой. Неподготовленный человек увидит простое дерево. Без всякой сияющей ауры. Кстати, вот уж вопрос так вопрос – почему дух покинул его? Ведь известно, что дух может уйти лишь тогда, когда умирает дерево. А здесь смертью даже не пахнет. Вон какая красавица стоит! Высокая и мощная, да еще и янтарным золотом сияет на всю поляну. М-да, нечисто тут что-то...

Подойдя к Сосне, я остановилась. Стоило ступить в круг этого золотистого света, как меня обволокло легкое тепло. Словно это место могло защитить от злого и страшного. По-

стояв пару секунд и поняв, что опасность мне не угрожает, я приблизилась к дереву и положила ладонь на ствол. По руке тут же прошла волна тепла, только во много раз сильнее, чем та, которую я почувствовала изначально.

– Ну, Сосна, что плачет, – тихо произнесла я, – не с лихим делом пришла к тебе, а за добрым советом. Расскажи, золотая, нет ли здесь такого же янтаря, как и у тебя? Взяли его, не спросив да не посоветовавшись. А мне за него еще ответ держать.

Да уж. Вышло пафосно, но зато соответствует моменту.

Поначалу вокруг стояла абсолютная тишина, но потом по поляне словно прошелестел тяжелый вздох, и снова все стихло. Да уж, порой силы природы с первого раза и не уговоришь. Особенно если им есть что скрывать. Но если тут действительно никто не живет, то плохи мои дела.

– Не твой это янтарь, – словно из ниоткуда, смешиваясь с шорохом ветра и листьев, прозвучал глубокий голос. – И не этому миру он принадлежит.

– Не мой. – У меня и в мыслях не было присваивать себе шар, принесенный Покойленко. – Но мне его доверили.

– Не твой, – угрюмо донеслось из кроны. – Но ты не виновата.

Какая прелесть, хорошо хоть признали. Но мне от этого не легче, так как я прекрасно понимала, что возвращать мне янтарь никто не собирается. Это весьма осложняло задачу.

– Нечего тут вообще чужим ходить! – неожиданно раздал-

ся тонкий, но жутко самоуверенный голосок.

Я даже не сразу сообразила, что он идет откуда-то снизу. Опустив голову, я замерла в непередаваемом удивлении, только через пару секунд осознав, что, кажется, наконец-то нашла тех, кто мне нужен.

Оба существа стояли прямо, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Он и она. Ее рост едва достигал двадцати сантиметров, он был немного выше. Человеческий облик они приняли лишь отчасти. Из черной и рыжей шевелюр торчали острые ушки с кисточками на концах, вместо ступней были темные лапки с коготками, а из-за спин выглядывали пушистые хвосты. У него были ярко-желтые глаза, у нее – зеленые. Не беличьи. Но и не человеческие. Большие, чуть приподнятые к вискам, темные и с узкими черными зрачками.

Вот так лесные жители! Я присела, чтобы получше их рассмотреть. Белок это совершенно не смутило. И он, и она смотрели на меня с каким-то упрямым недружелюбием.

– Ну, чужая, – не стала спорить я. – Но пришла сюда не по своей воле.

– А по чьей, ведунья Шестопалая? – звонко поинтересовалась рыжая белка.

– Да по вашей, госпожа Веселина, – хмыкнула я. – По чьей же еще?

Веселина несколько секунд удивленно хлопала ресницами, однако быстро сообразила, кто мог назвать мне ее имя.

– Ты тут много не разговаривай, – сердито протянул Лесомир, явно недовольный тем, что я их совсем не боюсь.

– Много или нет – зависит от вас, – сообщила я. – Осколки забрали вы?

Белки быстро переглянулись, однако с ответом не спешили. По личикам обоих было видно, что кража янтаря являлась делом их шустрых лапок, однако, судя по всему, они не рассчитывали на то, что у меня появятся помощники и я так быстро смогу их разыскать.

– Их здесь нет, – тихо ответил Лесомир. – Они в безопасном месте. А Покойнику так и передайте – нет ему больше дороги в Бурштынов Ир.

Так, значит, все-таки это не сказки. Радистав говорил правду. Вот стоит передо мной тому подтверждение, ушастое и живое.

– Та-а-ак, а теперь – с самого начала. – Я посмотрела на Лесомира, потом на Веселину. – Что такое Бурштынов Ир?

На личиках моих собеседников появилось искреннее удивление.

– Неужели... – начал Лесомир.

– Нет, не знаю, – не дала я ему договорить. – А то, что знаю, – весьма размыто и печально. Поэтому я хочу во всем разобраться. Если восстановление сферической карты принесет зло, то мне лучше быть в курсе.

Веселина тронула лапкой своего спутника и что-то шепнула на ухо. Лесомир продолжал неподвижно стоять, про-

жигая меня золотисто-желтым взглядом. Но его подруга настойчиво продолжала что-то безостановочно говорить. Наконец вздохнув, Лесомир сказал:

– Ну, хорошо. Ты права. Расскажем ей, к тому же... я чувствую, что она не такая, как Покойник. – Он посмотрел на меня, и в его глазах появилось какое-то сомнение. – Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать, но... – Лесомир обернулся и указал на горящее янтарем сплетение корней Сосны, что плачет: – Нам надо идти вниз. Сможешь ли ты принять такую форму, чтобы пройти?

Вопрос весьма сложный. Возле самого ствола я действительно рассмотрела небольшой чернеющий вход, но... в пору бы он пришелся только белкам. И дело не только в этом... Мне не хотелось туда идти, не предупредив Шарика и Валерьяна. Это просто глупо. Впрочем, белки не могут причинить мне вред, во всяком случае, я так думаю. Но... где находятся мои друзья, я понятия не имею, а ждать их нет смысла. К тому же этот желтоглазый прохвост может раздумать.

– Хорошо, – кивнула я.

Пришлось потратить несколько секунд, чтобы уменьшиться до размера моих новоявленных проводников. Белки смотрели на происходящее, едва не открыв рты от изумления. В глазах так и читалось: «Вот это да!»

– Готово, ведите, – сказала я, встав между ними.

Лесомир чуть пожал плечиками, пробормотав что-то вроде: «Да ну этих ведунов и ведуний», а Веселина вдруг тепло

улыбнулась.

– Идем, Шестопалая, – почти пропела она и, схватив рыжей лапкой меня за переливающуюся радужно-серебристым сиянием руку, быстро повела к стволу сосны.

Всего мгновение Лесомир оторопело смотрел на эту картину, а потом с возмущенным цвирканьем рванул за нами:

– Эй, подождите! Я же с вами!

Глава 4

Янтарное подземелье

– ...дольше, чем мы себя помним, но не забытые и не умершие. Такие, как есть, не меняющиеся и живущие веками. Дети древнего мира и старых времен. Те, кто не пришел с небес, одетый в свет звезд, но родился здесь, возле вечно-го пламени чрева земли. Ставшие водой и воздухом, яркими солнечными лучами да зеленой травой. Те, о ком слагали легенды и кого наделяли божественной силой. Древние языческие силы, обладающие бесконечной властью. Милующие или карающие своих детей. Те, кто жил в далеком месте, куда нет ходу человеку. Ирий было ему имя... Их нельзя было называть людьми, но и богами они никогда не были. Раса, которой подчинилась природа, но не покорилося время. Не сумели они удержать свою столицу Даарью, защитить от войск темного Горевора – покровителя ночи. Потеряли Ирий и ушли за край света...

Не особо я доверяла беличьим легендам, но деваться было некуда – слушала. К тому же и впрямь Лесомир цитировал это с очень серьезным лицом. На выдумку никак не тянуло.

Мы шли по залитому светом коридору, и это в корне отличалось от того, что я ожидала увидеть. Вообще, когда спускаешься под землю, то думаешь, что окажешься в не очень

светлом и приятном месте. Но тут было все как-то не так. К тому же отчетливо ощущалось, что под Сосной, что плачет, находится место силы. Древней и могущественной, но по какой-то причине запертой здесь. Оказавшись под корнями, я поначалу не могла понять, куда попала. Идеально гладкие стены, словно залитые янтарем (именно от них и шло это сияние). Пол был выложен маленькими квадратными плиточками цвета бронзы, а с потолка свисали медово-желтые свешивающиеся грозди – эдакие светильники в подземном коридоре. Человек здесь явно бы не прошел, но мы передвигались вполне спокойно.

– У меня один серьезный вопрос. – Я посмотрела на своих проводников. – Сюда кто-то может нагряться без вашего приглашения?

Веселина отрицательно покачала головой:

– Нет, люди не в состоянии найти это место. Ведуны вроде тебя способны пройти, если только уже когда-то тут были.

– А ведуны вроде меня – это какие? – на всякий случай уточнила я.

– Добрые, белые, – покосившись в мою сторону, сказал Лесомир. – Такие, как твой Радистав, сюда не смогут войти – заклятье их отгонит.

– Он не мой, – обиделась я. – Если б знала – не связывалась бы.

Прозвучало страшно по-детски, но зато искренне.

– Да мы верим, верим, – вздохнула Веселина. – Просто...

– Просто расскажите мне все от начала и до конца, – попросила я. – Тогда и посмотрим, что делать дальше.

Белки переглянулись, и Лесомир едва заметно кивнул по-друге.

– Хорошо, – согласилась она. – Только сначала дойдем до бурштына.

– До бурштына? – насторожилась я. – Это вы что такое имеете в виду? Я знаю лишь одно толкование этого слова.

– И то янтарное, да? – неожиданно рассмеялся Лесомир. – Отчасти ты права. Хоть слово и считается современным, но это не совсем так. Бурштын представляет собой некий, как сейчас принято говорить, артефакт, который защищает это место, а также дает возможность увидеть то, что происходило давным-давно.

Мы вплотную приблизились к стене. Подняв лапу, Лесомир что-то быстро начертил на полированной желтой поверхности. Через несколько секунд она задрожала и рассеялась вокруг золотым дымом.

Сделав шаг вперед, я поняла, что имели в виду белки. В небольшом овальном помещении передо мной возвышался прозрачный огненно-желтый камень. Угловатый, неправильной формы, словно он стоял здесь именно таким, каким создала его природа. Внутри по спирали плясали искрящиеся огни – такие же, как в глобусе, который я оставила дома. Что бы ни говорили, но глобус был сделан именно из такого бурштына. Присмотрелась: среди танцующих огоньков

проносятся, как сияющие звезды, принесенные Покойленко осколки.

Вскоре я поняла, что огоньки и янтарные звездочки выстраиваются в определенные символы, ранее мной никогда не виденные, но почему-то узнаваемые.

«Черты и резы древних славян», – подумала я, поняв, откуда взялась неясная ассоциация.

Янтарно-золотой омут затягивал, не давал отвести от него глаз и подумать о чем-то другом. Смотреть – только в сверкающий звездный огонь вращающихся символов, притягивающий, не отпускающий, заставляющий вспоминать... вспоминать то, что когда-то знала, но забыла. Думала, что никогда не знала, а на самом деле...

Еще в те времена, когда всемирный потоп был делом далекого будущего, на земле обитали четыре основные расы. Ирийцы – солнцепоклонники и почитатели огня; туаты – жители далекого государства Туа-Атла-Ка, владевшие магией воды и почитавшие мать-воду; фалрьяны – полулюди-полуптицы, братья ветров; и нарвийцы – обитатели подземных глубин. Четыре мира, четыре стихии, уживавшиеся на планете и имевшие единый круг, обозначающий единство и братство народов. Бронзовой тенью мелькнуло изображение: кружок, от которого отходят четыре луча, загнутых под прямым углом в одну сторону. Загнутые части лучей словно образовывали вторую окружность. Некоторое время я стояла в недоумении. Увиденное напоминало лишь одно. Свастику. Видо-

измененную и не совсем привычную для современного человека, но, тем не менее, свастику. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного, так как свастика была славянским символом солнца еще до того, как ее присвоили немецкие захватчики, назвавшись истинными арийцами. С другой... Возможно, первоначальный вид свастики был именно таким? С кругом посередине и четырьмя лучами? И только потом кто-то стилизовал его до известного нам варианта. Объединение ирийцев, туатов, фалрьянов и нарвийцев называлось Коловратом.

Я хмыкнула. Вот вам и общность языков. Поди разбери, что, когда и от кого произошло. Возможно, Коловрат – не такая уж выдумка современных ведунов и медиумов, стремящихся доказать свои сверхчеловеческие способности. В способности я, кстати, все равно не верю. Те, кто имеет силу, не спешат ее показывать на телевидении.

Жители древнего мира обладали силой, которая сейчас неподвластна современным людям, – потерялись старые знания. Много желающих отыскать их, да только никак не удастся. Все дело в том, что жрецы нарвийцев, которым не понравился старый уклад жизни, решили его изменить. Они заявили, что те, кто почитает землю, являются главными, и все должны признать их власть. Горебор, царь нарвийцев, по совету младшего брата Скорбияра вступил в бой с ирийцами, намереваясь захватить восхваляющих солнце и подчинить себе купающуюся в солнечных лучах их столицу – Даарью.

Во время длительной осады был убит царь ирийцев – Силорад. Трон и скипетр царя пришлось принять молодому царевичу Светодару. Поняв, что нарвийцы обладают какими-то ранее неизвестными народам Коловрата силами, царевич обратился за помощью к туатам и фалрьянам. Но нарвийцы нашли способ обойти всех, не став бороться, а погрузив мир во временной коллапс, с которым не сумели справиться плененные народы. С тех пор попасть в «спящие» миры никому не удавалось, кроме потомков нарвийцев, которые и по сей день могут бродить среди современных людей. Говорят, что туаты вовсе погибли, их остров скрыла мать-вода, чтобы он не достался захватчикам. О фалрьянах не осталось никаких сведений. Разве что сказки о жар-птицах являются тонким намеком на некогда существовавшую могущественную расу.

Ирийцы, спасаясь от войск нарвийцев, прибегли к своему оружию, дарованному богом-солнцем. Называлось оно бурштын. Но среди ирийцев затесался предатель, открывший тайну оружия нарвийцам, и в итоге те использовали его против самих солнцепоклонников.

Бурштын. Я покачала головой. Надо же.

В камне возник странный силуэт, и неожиданно я сообщила, что это человек со скрещенными на груди руками. Глаза закрыты, черты лица чуть заострены, золотистые волосы словно создают вокруг головы янтарный ореол. Одет он странно, диковинно – костюм из светлой кожи, на ногах сапоги. На шее желто-красный камень с алмазным блеском.

Еще молодой, но в уголках губ складки горечи, а высокий лоб прочертило несколько морщин, словно ему приходилось все время хмуриться.

И будто изнутри камня шепнул голос, что древние ирийцы не мертвы. Они все спят. Спят бурштыновым сном, заключенные в золотистый янтарь. Я вздрогнула от этой мысли. Ну и дела. И вообще ничего не понятно.

Глянув на белок, поняла, что они рассматривают меня во все глаза, словно пытаюсь разгадать, какое впечатление произвела на меня рассказанная история. Проблема только в том, что история не совсем рассказывалась. Было ощущение, словно я заглянула куда-то за завесу этого мира и на каких-то несколько минут сумела туда переместиться и увидеть то, что людям видеть не положено.

– Почему Бурштынов Ир? – Я почему-то спросила совсем не то, что хотела, но этот вопрос мне показался уместным и правильным.

– Это... – Лесомир немного помедлил, – название, которое дали уже после древних рас. Потомки нарвийцев называли так место, где остались их враги. Бурштын – от названия оружия, Ир – потому что оно принадлежало ирийцам. И еще слово «Ир» толкуется как «рай». Насмешка над спящими расами.

Звучит невероятно, но внутри что-то подсказывало, что здесь нет ни одного лживого факта. Интуиция? Наверное, хоть я и не люблю эту дамочку. Не люблю за то, что обычно

она просыпается именно тогда, когда на горизонте появляется что-то нехорошее, весьма прозрачно намекающее, что меня ждут неприятности.

Некоторое время я молчала, обдумывая сказанное. Янтарные всполохи внутри камня, казалось, замерли и не двигались.

– Кто это?

Спустя пару секунд я сообразила, что не уточнила, о ком говорю, но белки все поняли.

– Светодар, – ответила Веселина.

Я внимательно рассматривала силуэт находившегося внутри камня человека. Значит, вот как. Царевич ирийцев. Хорошенькое дело.

– А как он тут оказался?

Белки переглянулись.

– Те, кто верен Иру, время от времени переносят жрецов и царскую семью, потому что, возможно, когда-нибудь они сумеют возродить свое царство.

Неплохой ответ. Но все равно не подходит. Слишком много неувязок.

– А откуда вам известно, где находятся жители бывшего Ира? – спросила я, глядя то на одного, то на другую.

– Мы являемся стражами, – гордо сообщил Лесомир.

– Вот как... – Больше я ничего не говорила, но, видно, отношение к стражам-белкам отразилось на моем лице, потому что Веселина обиженно цвиркнула, а Лесомир нахму-

рился.

– Пусть тебя не смущает наш вид, – холодно проговорил он. – Стражи могут принять любой облик. И защищаем мы древнюю расу не кулаками и мечами.

– С тех пор как человечество изобрело огнестрельное оружие, – пробормотала я, – дело значительно упростилось.

Лицо Лесомира стало еще более хмурым, в желтых глазах появился странный блеск, но он не успел ничего сделать, потому что из коридора донесся грохот, и что-то стрелой влетело прямо к нам. При этом белок оно обошло и ткнулось прямо в меня с пронзительным воплем:

– Карау-у-у-ул!

От такого напора я упала на спину, стараясь удержать голосащее о спасении существо. Когда сумела оценить ситуацию, то разобралась, что на мне разлегся не кто иной, как родной шаркань. Учитывая, что сейчас я была не больше белки, змею не составило труда не только повалить меня на землю, но и почти придушить.

– Шарик, – хрипло выдохнула я, – угомонись и слезь с меня. То есть наоборот. А то я так долго не протяну.

Вопли тут же прекратились, и змей отполз в сторону.

– Прости, Вика, я немного не рассчитал.

– Заметно, – пробурчала я, вставая и отряхиваясь. – Как ты тут оказался?

Шарик чуть ослабил свои кольца, и я увидела янтарный глобус.

– Он привел, – пояснил змей. – К тому же, – он тут же по-мрачнел, – пришлось это делать очень быстро. Меня отыскал Валерьян и отдал его. Домой нам возвращаться нельзя.

Я нахмурилась:

– Почему?

Шарик посмотрел на меня и чуть качнул головой:

– Недоброе что-то там. Валерьян сказал, что стоило ему только приблизиться, как навстречу выпрыгнули какие-то отвратительные серые тени и попытались напасть. Хорошо хоть янтарный глобус сумел забрать Остап, и вместе они успели удрать в лес. Там они в безопасности. Братец-леший никого не пустит на свою территорию.

– Тени... – прошептал вмиг побледневший Лесомир. – Тени окаянные – слуги Радистава Покойника!

Я быстро глянула на белок:

– Покойника?

Вообще-то, когда я с ним разговаривала, на покойника он никак не тянул. Или это такое милое сокращение от фамилии Покойленко? Ой, точно! Белки уже его так называли! Значит, просто моя невнимательность.

– Да, – кивнула Веселина, – Радистав – один из приближенных Скорбияра. Могущественный чародей и создатель тех, кого нельзя уничтожить ни одному живому существу.

– Живому? – недоверчиво переспросила я. – Вы имеете в виду, что управу на них могут найти только мертвые?

Веселина опять кивнула:

– Да, или те, кому подвластна магия смерти. Физически Радистав погиб во время войны с ирийцами, однако каким-то образом Скорбияр сумел дать своему другу способность проходить сквозь века в обличье бесплотного духа и вселяться в человеческие тела, когда это необходимо.

Я пробормотала что-то не очень цензурное про вот такой способ жизни и снова посмотрела на нее:

– А сам-то что? Почему сам не захотел точно так же?

– Скорбияр погиб, защищая нарвийцев. Да и не таким сильным ведунном он был, как Радистав. Он не сумел бы творить из тьмы и мрака.

Я посмотрела на шарканя. И так, все складывается просто замечательно. В доме шастает непонятно кто, но вполне понятно с какой целью. Видно, господин Покойленко (тьфу, надо ж было еще такую фамилию выбрать!) осознал, что я не слишком тороплюсь выполнять его просьбу, и начал интересоваться вещами, которые мне совсем не нужно знать. Вот и решил наслать своих слуг. Проведать, так сказать. Откуда ж ему было знать, что янтарный шарик возьмет Шарик (вот видите, что происходит, когда количество шариков больше одного на одну жилплощадь) и рванет в лес. В том, что змей сумел отыскать Сосну, что плачет, имея при себе глобус, я даже не сомневалась. К тому же шаркани обладают способностями, благодаря которым могут великолепно ориентироваться в пространстве (как обычном человеческом, так и во всех остальных). Да и нюх у них получше моего. То, что Ша-

рик рядом, меня даже радовало. Единственное, от чего я не в восторге, так это от его размеров.

Сейчас змей больше меня раза в четыре, и это несколько напрягало. Нет, не потому, что это могло плохо кончиться или Шарик причинит мне вред. Просто обычно при любом шухере шаркань привык прятаться за меня. Учитывая разницу в пропорциях, сейчас это весьма проблематично. А так как он все равно приближался (шухер, а не змей), то нужно было срочно что-то решать. И желательно бы принять свой человеческий облик. А раз так, значит, нужно каким-то образом выбираться из этого янтарного подземелья.

Я повернулась к белкам:

– Сказанное требует времени на обдумывание.

Ох, как пафосно получилось. Ну да ладно, речь не об этом.

– Вика, – шепнул Шарик, – а это вообще кто такие?

Вид воинственно настроенных Лесомира и Веселины его явно не обрадовал.

– Да вот, знакомься – янтарные стражи, которые и увели нас осколки, – хмыкнула я.

– О-о! – Шаркань прищурился, и я тут же сообразила, что змей вовсе не испугался пушистых хулиганов, зато белки осторожно попятились назад. – А вы знаете, что чужие вещи...

– Шарик, мы все выяснили, – поспешно перебила я и быстро глянула на стражей: – Как отсюда выйти?

На этот раз оба проводника не мешкали с ответом. Соседство шарканя их явно не радовало.

– Идите прямо, а как увидите янтарные корни – поднимайтесь вверх. Это простая сосна, она расположена в лесной чаще. Но там все равно безопаснее, чем идти обратным путем, – застрекотала Веселина. – Мы вас проводить не можем – нужно следить, чтобы тени не совершили попытку проникнуть сюда.

– Но... – начал было Шарик.

– Пошли. – Я коснулась змея радужной рукой и потянула за собой. – А с вами еще увидимся.

– Ой-ой-ой! – цвиркнули белки.

Конечно, не факт, что следовало выбираться наружу, но и сидеть под землей я тоже смысла не видела. В любом случае надо как-то действовать, поэтому я все же решила посмотреть, что делается наверху. Признаться честно, сталкивалась с подобным впервые. Бороться с чем-то злым и темным мне еще не приходилось. А тут на тебе!

Янтарные стены излучали мягкое медовое сияние и, казалось, уговаривали никуда не ходить. Остаться, переждать, пока уйдут те, кого так опасались бурштыновы стражи.

Я покачала головой. Вот вам и стражи. Маленькие, а гордые и смелые. Ты им слово, они тебе десять. Да и робкими не назовешь. Разве что несколько не одобрили моего шарканя. Но это, конечно, зря.

– Вика, – тихо позвал Шарик, – по-моему, он нас куда-то

ведет.

Обернувшись, я молча уставилась на глобус. Он горел неземным ярким пламенем. Да так, что янтарные стены тускнели в сравнении с ним. Удивительным было то, что шаркань еще не вскрикнул и не сказал, что его обожгло.

– Что это такое? – спросил Шарик, зачарованно рассматривая сферу, которую тут же окутал золотой туман. – Ой!

– Что?! – Я оказалась рядом, коснулась пальцами глобуса и тут же вздрогнула.

Теперь это был не безжизненный шар, а пульсирующий живой янтарь. Бьющийся в моих руках, словно сердце потерянного Бурштынова Ира, янтарь-сердце...

– Не знаю, – услышала я шепот шарканя, скорее походивший на растерянное шипение.

Змеиное тело теперь было красно-золотым, словно мой спутник впитывал в себя свет шара. Я осмотрела себя и поняла, что радужное свечение исчезло, теперь и я сама будто переливаюсь жидким огнем.

– Ну, белки, – пробормотала я, понимая, что без них тут не обошлось.

Внезапно земля задрожала, словно неведомые гиганты решили сдвинуть подземное царство. Янтарное сияние задрожало и разгорелось еще больше. Перед глазами все завертелось и закружилось, вокруг начали вспыхивать золотые и серебряные звезды.

– Вика, что это? – вскрикнул Шарик, интуитивно сжимая

шар еще крепче, чтобы не выронить в этой круговерти.

– Не знаю, – выдохнула я, резко зажмуриваясь от ударившего со всех сторон ослепительного света.

В голове все загудело, как от удара, и через секунду я потеряла сознание.

Глава 5

Пленники Фалрьян'Олы

А может, и не теряла вовсе. Во всяком случае, ощущения ухода из реальности как-то особо не возникло. Или я просто неправильно теряю сознание? Все может быть, не спорю. Как-то раньше подобными вещами не приходилось заниматься. Единственное, что я очень хорошо чувствовала, так это боль в плече. Вероятно, я им стукнулась обо что-то твердое и явно не предназначенное для падения молодых и резвых ведуний.

Открыв глаза, я огляделась. М-да. Вокруг тьма. Разве что едва уловимый свет звезд падает на черные верхушки деревьев. Даже луны нет. Это плохо. Придется работать, то есть добираться домой, на ощупь. Причем в прямом смысле.

Рядом послышался приглушенный стон, и моей руки коснулось что-то холодное. О, шаркань приходит в себя.

– Шарик, ты как? – шепнула я, взглядываясь во тьму.

Меня несколько озадачило, что радужное сияние моего тела померкло, однако через секунду я сообразила, что автоматически приняла человеческий облик. Что ж, так даже лучше. Если кто и обнаружит, то можно сказать: шла по лесу, внезапно на голову упала очень большая шишка, все остальное – в тумане. Может, не до конца, но поверят да на свет

божий выведут. А в магическом виде весьма сложно будет убедить человека, что это всего лишь маскарадный костюм. В лесу. Ночью.

– Меня будто передавило, – проворчал он.

– Придавило, – автоматически поправила я.

– Нет, передавило. Будто на велосипеде проехались, – снова раздалось ворчание.

Осмотрев, насколько это было возможно в темноте, шаркая, я все же выяснила, что он не ранен.

– Что это было? – тем временем спросил Шарик.

– Могу задать аналогичный вопрос, – вздохнула я. – Но в любом случае мы выбрались из беличьего коридора.

– Вот уж названьице, – буркнул он и обвил хвостом янтарный глобус.

– Какое пришло в голову, – развела руками я. – Если ты хочешь узнать, *что* нас выбросило наружу, то скажу честно – понятия не имею. Определенно произошла концентрация каких-то сил, и нас целенаправленно вытолкнуло сюда.

– Как умно мы изъясняемся, – фыркнул Шарик. – Концентрация и все такое прочее. А каких?

Этот вопрос заставил меня задуматься. Четкого ответа ж все равно не было. Ну и ладно.

– Я не смогла определить. С таким раньше никогда не сталкивалась. Но у меня было странное ощущение, ну... как бы объяснить, будто нас толкнули в энергетический тоннель, придав при этом очень хорошее ускорение.

Шарик некоторое время молчал, явно анализируя мои слова. Порой мой шаркань прекращал вести себя как маленький вредный ребенок и проявлял подлинно змеиную мудрость и рассудительность. Возможно, и той и другой было еще далеко до абсолютной, но зерно истины все равно присутствовало.

– Ладно, давай вставать и потихоньку продвигаться к дому. Возможно, незваные гости уже покинули наше жилище. – Я поднялась и поморщилась.

В голове словно что-то взорвалось, и на некоторое время пришлось прекратить активные действия. Значит, я в корне ошиблась, предположив, что досталось только моему плечу.

Шарик озабоченно посмотрел на меня:

– Идти можешь?

– Да. – Только вот от кивка пришлось воздержаться. – Но медленно. Иначе тебе придется тащить меня за собой.

– Вот еще, – шикнул змей. – Я и так... Да, кстати, бери свой глобус, а то с ним точно далеко не уползу. И смотри, что это там за свет? – Он указал кончиком хвоста прямо в гущу деревьев.

– Зануда, – отозвалась я, забирая янтарную сферу и медленно направляясь вперед. – Пойдем посмотрим. Все равно угадать не получится.

– Пойдем, – внезапно покладисто согласился Шарик и двинулся за мной.

И хотя змей был насторожен, я-то прекрасно понимала,

что этот свет идет от Сосны, что плачет. Скорее всего место выхода из подземного тоннеля оказалось намного ближе, чем предполагали Лесомир и Веселина. Однако, пройдя с десяток метров, убедилась, что когда чего-то не знаешь, «прекрасно понимать» – совершенно не оправдывающее себя занятие.

Дойдя до края лесной тропинки, я резко замерла, рассматривая открывшийся пейзаж.

Мы стояли на крутом обрыве, далеко внизу клубился бархатно-синий и серебристый туман. Казалось, что свет излучал именно он. При этом туман постоянно находился в движении, словно подгоняемый неощутимыми воздушными потоками. Когда я смотрела на это, внутри все будто сжималось от страха. Мы с Шариком оказались перед чем-то запретным, и эта завеса предупреждала, что дальше пути нет.

– Это не вересоченская опушка, – отметил шаркань, заглянув вниз и тут же отпрянув.

– Нет, – согласилась я. – Разве что мы оказались рядом с аномалией. Но я что-то не помню, чтобы нечто подобное встречалось в лесах.

Шарик с сомнением смотрел вниз:

– Знаешь, это похоже на водопад. Только без воды.

Сравнение было очень близким к истине, поэтому спорить я не стала. Неожиданно откуда-то сверху донесся странный скрежет. словно хлопала крыльями огромная птица. Только крылья у нее были железные, и к шуму от взмахов

добавлялся еще и лязг металла.

Шаркань обвился вокруг моей ноги и, прищурившись, смотрел в небо.

– Мне это не нравится, – веско заметил он.

– Мне тоже, – почему-то шепотом ответила я, но тут же увидела, как небо закрыла черная непроницаемая тень. Даже звезды исчезли.

Я невольно сделала шаг назад. Гадать не стоило – это был силуэт огромной птицы. Или создания, невероятно на нее похожего.

– Мамо, – пискнул Шарик (не думала, что шаркани умеют пищать), прячась за меня.

– Осторожнее! – попыталась предупредить я, но над нами пролетел огромный крылатый зверь и издал пронзительный звук, от которого внутри все похолодело.

Перед моими глазами мелькнули лишь бронзовые перья, и в следующую секунду сильные когти впились в плечи, поднимая вверх. От неожиданности я вскрикнула и выронила глобус. Янтарно-золотой шар стремительно полетел вниз, скрываясь в серебристо-синем тумане.

Пребывая в шоке от происходящего, я не сразу сообразила, что меня куда-то уносит неведомое науке существо, а предмет, который по-хорошему стоило беречь, упал черт знает куда. Ну а шаркань...

– А-а-а-а, спасите, помогите, убивают! – орал тем временем Шарик.

Это почти сразу вернуло меня в норму.

Черт с ним, с глобусом. Если потребуется – отыщем, убиваться не стоит. Сейчас бы не свалиться и попытаться успокоиться.

Я дернулась, но когти впились лишь сильнее, давая понять, что время перелета еще не окончено. Глянув вниз, я едва сдержала крик ужаса и поняла, что идея не дергаться не такая уж плохая. Потому что там, далеко подо мной, проносились голые скалы, крутые уступы и чернеющие, словно пасти злобных демонов, глубокие расщелины.

– Шарик, заткнись, – шикнула я, понимая, что иначе шарканя не уgomонить.

Тот неожиданно послушался, обвив крепче мою ногу и глядя во все глаза вниз.

– Вика, – выдавил он, – мы разобьемся?

– Не мели чепуху! – рассердилась я.

Возможно, сыграло свою роль то, что еще не рассвело (следовательно, всего я не видела), а ощущение полета было сродни тому, когда я в радужном облике училась ходить по воздуху, поэтому ужаса в связи с тем, что меня оторвали от земли, я не испытывала. Но вот вопрос, куда нас несут и зачем, не выходил из головы.

– Я тебе вот что скажу, – снова начал Шарик. – Думай что хочешь, но мы не на Земле.

– Я подозревала.

– И что? – Змей, кажется, хотел передвинуться, но еще

крепче обвил мою ногу кольцами. – Тебе совсем не страшно?
– Страшно, – призналась я.

На этом наша содержательная беседа закончилась, так как я не считала, что общаться в данный момент – подходящее занятие.

Вопреки ожиданиям нас несли не вниз, а поднимали все выше и выше. Я уже начала было подумывать, что неведомая птаха решила нас сбросить, просто сделать это «с размахом», однако в следующую минуту мы оказались возле гладкой серебристо-серой скалы. Птица сделала круг и начала снижаться. Меня весьма неласково уронили на камень, но Шарик умудрился соскользнуть первым, поэтому падала я уже, думая исключительно о себе.

М-да, очередные синяки. Теперь на бедре и, кажется, на той части тела, где спина теряет свое благородное название.

– С тобой будет говорить Рамаол, начальник стражи, – прозвучал надо мной голос.

Подняв глаза, я только сейчас смогла рассмотреть, кем именно была столь беспардонно сюда доставлена.

Высокий – наверное, добрых метр девяносто, если не больше. Одет в причудливые доспехи, имитирующие перья. Каждое «перо» – бронзовые пластинки с чеканным узором. Пластинки плотно подогнаны друг к другу, но при этом скреплены чем-то гибким и прочным, что не стесняет движений, но хорошо защищает. Поразительно, что такие «перья» закрывают все тело: шею, плечи, грудь, руки и ноги. Словно

единое целое. Широкий пояс из красного металла охватывает талию, к нему пристегнут короткий меч, кинжал и еще какой-то предмет, напоминающий жезл из солнечного камня. О назначении жезла я могла только догадываться. Сверху накинут плащ до пят. Лицо человека закрыто золотистой маской. К маске искусно приделана плотная ткань с металлическим блеском, закрывающая голову. Все бы ничего, но я что-то не могла вспомнить культуру, где такое было принято носить. Рядом с незнакомцем (или моим пленителем, если вам угодно) стояла большая... нет, огромная птица.

Я затруднялась сравнить ее с одной из тех, которые летают над нами. Она возвышалась над человеком на целую голову, мощные бронзовые крылья прилегли к красивому телу, отчасти напоминающему туловище нашего орла. Нефритово-зеленые глаза, не мигая, смотрели на меня и Шарика. В какой-то момент показалось, что на нас взирает бесконечно понимающее и доброе создание, многое повидавшее на своем веку.

На самом деле разглядывание длилось какие-то секунды, это только описывать долго.

– Где мы? – спросила я, встав и покосившись на осторожно подползающего ко мне Шарика.

– Подошедшие к запретной завесе Ашье спрашивают меня, где они? – В словах незнакомца прозвучала насмешка.

Очень хорошо. Кое-что знаю. Но немного, да и явно эта птица божия (это я про всадника) на эмоциональный диалог

не настроена. Кстати, только сейчас я поняла – доспехи человека в маске сделаны по образцу оперения птицы. Что ж, замечательный камуфляж. Вряд ли можно разглядеть сидящего на ее спине воина в такой одежде.

– Кто ты, дхайя? – раздался мелодичный, как звон хрустальных колокольчиков, голос.

Я во все глаза уставилась на птицу. Как там? Птица-говоруна отличается умом и сообразительностью? Так, ладно, не совсем удачная шутка.

– Меня зовут Вика, – нашла я самый приемлемый вариант представиться. – А это Шарик. Мы оказались здесь случайно.

Человек повернулся к птице. Казалось, он задает немой вопрос. Та чуть наклонила голову набок. Что это значило, я понятия не имела. Тогда пришлось зайти с другой стороны:

– Кто вы и куда мы попали?

Несколько минут висело напряженное молчание, но потом незнакомец произнес:

– Я – Чаран, атор воздушной крепости Фалрьян’Олы за завесой Ашьей. Вы идете со мной.

Какая прелесть. В одном предложении столько непонятных слов. Но другого выхода у меня не было.

– Надеюсь, это не больно, – пробормотал Шарик.

И нельзя сказать, что я с ним не согласна.

Просторный широкий коридор был высечен из неведомого мне камня молочно-зеленого цвета. Пространство наполняло слабое свечение, будто внутри стен горел тихий спокойный огонь. Это напомнило янтарный коридор, по которому белки вели меня к бурштыну. Стены покрыты удивительной сине-зеленой, изумрудной и фиолетовой росписью, изображающей крылатых людей и огромных птиц. Внутри все было округлое, без острых и прямых углов, словно это жилище выстраивал для себя ветер, а не человек.

Чаран доставил меня в зал собраний фалрьянов – обитателей и стражей небесной страны Фалрьян’Ола. Он был столь учтив, что поделился некоей информацией о нашем местонахождении среди небесных просторов. Вторую часть пути мы проделали на спине птицы, что несколько разрядило обстановку, а также дало возможность осмотреться. Я, конечно, понимала, что Чаран не в восторге от нашего появления, однако вел он себя относительно вежливо и не стремился сделать во мне дырку при помощи имеющихся инструментов.

Первое время мозгу было сложно анализировать то, что видели глаза. Как можно возвести здания из облачно-белого мрамора, покрыть крыши небесной лазурью, а двери и решетки окон выковать из струй серебристого дождя? Постро-

ить мосты, словно сплетенные из солнечных лучей? Вырастить невероятные сады с красными, оранжевыми, гранатовыми и жемчужно-розовыми цветами, окутанные туманом и будто парящие в воздухе?

Ответа не находилось. Острые шпили, а также пологие гладкие купола чужих зданий гордо возвышались на фоне синевы неба. Для меня оставалось загадкой, что служит опорой домам и причудливым храмам, которые не видел ни один из моих современников. Странные, непонятные и такие чарующе-манящие.

Навстречу нам то и дело вылетали всадники на коричневых и бронзовых птицах, в приветственном жесте поднимая правую руку. Чаран отвечал им, однако было видно, что он вынужден все время помнить о нашем присутствии, поэтому свободно вести себя не мог. Всадники поглядывали на нас с интересом, но никто не проронил ни слова.

А посмотреть действительно было на что. Мои джинсы приобрели весьма припыленный и порванный вид, а блузка словно никогда не видела утюга. Не говоря уже о том, что путешествие по лесу добавило на ней дырок и пятен. Пока еще не критичных, но уже с намеком на: «Здравствуйте. Меня зовут Вика, и я – бродяга». Волосы, пожалуй, выглядели не лучше.

Правда, положив руку на сердце скажу, что сейчас мои мысли были заняты вопросом: как мы сюда попали? Может, белки и впрямь что-то знали? Допустим, я не отрицаю, что мож-

но против своей воли очутиться в другом мире. Как-то Елизар рассказывал, что такое случается, но не советовал проводить подобные эксперименты. В связи с этим я пробовала лишь кое-что, в основном стараясь принимать нечеловеческих гостей на своей привычной территории. Так что факт перенесения не в то место и не в то время вполне возможен. Другой вопрос, что я понятия не имею, каким образом это сработало. Возможно, глобус, так удачно мной посеянный, был каким-то устройством, которое помогало перенестись, поменяв не только пространственные, но и временные координаты. Бурштын. Лесомир и Веселина называли это оружием ирийцев. Но что, если это не только оружие?

Откуда взялись такие мысли – самой неясно. Но что-то внутри подсказывало, что я на верном пути. В любом случае мне не стоит особо распространяться, что именно я уронила перед завесой. Кстати, что такое эта самая завеса? Кроме тумана, я внизу ничего не заметила, но вряд ли только он носит столь горделивое название. М-да. Задача.

Подняв голову, я увидела, что под потолком подвешено множество серебряных и хрустальных колокольчиков, а в стенах сделаны отверстия. Ветер, проникающий сквозь них, касается колокольчиков, и помещение наполняется нежной мелодичной музыкой.

«Голос ветра, – подумала я, – чистый и искренний».

– Подойди ближе, – позвал низкий мужской голос.

Спокойный и повелительный. Чувствовалось, что его об-

ладатель не привык, чтобы ему перечили. Но при этом неприятных ощущений он не вызывал.

Шагнув вперед, я сообразила, что возле дальней стены за квадратным столом из камня, напоминающего малахит, сидит статный мужчина. Его одежды по цвету не отличались от стен, поэтому сразу его было не так просто заметить. Мне показалось странным, что в столь большом зале никого нет, кроме него и нас с Чараном. Но задавать вопросы пока бессмысленно.

– Ты можешь быть свободен, – снова прозвучал голос, и я услышала, как сзади прошелестел тяжелый плащ стража.

Хотелось оглянуться и посмотреть, пойдет ли он тем же путем, которым мы пришли, но это было бы невежливо.

В зале неожиданно стало светлее, и я сумела рассмотреть сидящего напротив мужчину. Еще не стар, но высокий лоб тронут неглубокими морщинами, серебристо-серые глаза полны какой-то нечеловеческой мудрости. Холодные, спокойные... такие же, как голос. Брови хмуρο сдвинуты, орлиный нос, квадратный подбородок, гармонирующий со всем обликом. Белые (а может, и седые) волосы до плеч на лбу перехвачены лентой из серебряных прямоугольников со странными символами, скрепленными цепочкой. Одежда – мягкая бледно-зеленая ткань. Тонкая, но полностью скрывающая тело. Я не увидела при мужчине никакого оружия, но оно вполне могло быть.

– Я – Рамаол, хозяин летающих стражей, – произнес он,

обращаясь ко мне. – Кто ты и как попала сюда?

Мысленно просчитав, что стоит говорить, а что нет, я выдохнула и смело глянула на главу летающих стражей:

– Меня зовут Виктория Шестопалова. Я попала сюда с территории, расположенной до того места, которое вы именуете завесой Ашьей. Я заблудилась и не представляю, где сейчас нахожусь. О том, что я в Фалрьян’Оле – стране людей неба, узнала от Чарана.

Серые глаза ровно смотрели на меня. Я несколько растерялась. Ожидала удивления, недоверия, расспросов, но никак не молчаливого изучения. Ощущение, кстати, не из приятных.

– С тобой змей, – мягко заметил Рамаол. – А змеями владеет народ Нарви.

– Это шаркань, – поправила я. – Он не совсем змей. Хотя внешне очень похож. И я не из Нарви. Я принадлежу к народу, который живет далеко отсюда.

Только не по расстоянию, а по времени. Но это я уже уточнять не стала. Еще сочтут, что с головой проблемы. А когда предстаешь перед незнакомым человеком, то лучше не демонстрировать свои недостатки. Вдруг вы этим вызовете зависть?

Шарик издал недовольное пыхтение. А кому понравится, когда его сравнивают с кем-то примитивным?

Ответом послужило молчание. Рамаол смотрел на шарканя, и тот неожиданно затих, во все глаза уставившись на

мужчину.

Вдруг за окном гроыхнуло, ослепительный разряд молнии заставил меня зажмуриться. Ну да, конечно. Если у нас молния – довольно пугающее явление, то здесь и подавно. Послышалось шипение резко начавшегося ливня.

Шарик шумно выдохнул и мотнул головой.

– Ну, чудеса, – пробормотал он.

Я быстро перевела взгляд на Рамаола, потом снова на шарканя:

– Что случилось?

Шарик повел хвостом, а на губах мужчины неожиданно появилась тень улыбки:

– Да, таких змеев я еще не видел. Во всяком случае, никто из известных мне не умеет вызывать дождь.

Я не совсем поняла, почему его развеселил этот факт, но уж лучше пусть улыбается, чем наоборот.

– Присаживайся, Шестопалая. Познакомимся поближе, – в следующую секунду дружелюбно предложил хозяин летающих всадников.

Глава 6

Дети Отца Ветров и Небесной Искры

«Полулюди-полуптицы – те, что живут за покровом облаков и умеют говорить с ветром. Голосом серебра и хрустала перекликается он с ними, напевая нежнейшую песню дождя. Нет для них ни страха, ни боли среди небесных высей. Солнцем согретые да небом хранимые. Дети Отца Ветров и Небесной Искры, хранители лазурных просторов и облачных врат...»

Вряд ли я точно сумела передать легенду о жителях Фалрьян'Олы, но суть сохранила верно. Уже третий час я разговаривала с невероятным существом, от которого узнавала все больше и больше потрясающих и невероятных фактов. Скажу честно, начальника стражей назвать человеком язык не поворачивался. Спросите, откуда Рамаол узнал о способностях Шарика и о моем прозвище среди магов? Что ж, попытаюсь объяснить.

Фалрьяны – народ, который лишь внешне похож на людей. Когда Рамаол встал со своего места и направился ко мне, я сообразила, что с его одеянием что-то не так. Поначалу подумала, что это причудливый фасон плаща, однако, всмотревшись, я замерла на месте. За спиной мужчины был не плащ,

а... самые настоящие крылья!

Поначалу я не верила собственным глазам. Даже опыт общения с существами не из нашего мира не помогал осознать данный факт. Крылья Рамаола были похожи на перья той птицы, что нас сюда доставила. Где-то на краю сознания появилась мысль, что фалрьяны и их крылатые друзья произошли от одного прародителя. Однако тут же пришлось отметить это предположение в сторону, потому что в следующий миг мне оно показалось крайне нелепым.

Непонятный и другой народ. По-своему очаровательный и притягательный. Они видят ауру любого человека и зверя, способны узнать, какими способностями обладает стоящее перед ними существо. Таким образом Рамаол и сумел понять, что может Шарик, да и разглядел мой облик Шестопалой.

Люди-птицы. Они верят, что произошли от Отца Ветров и Небесной Искры, которая, однажды вспыхнув среди лазурных просторов, принесла жизнь в эти края. Еще выше, в священных местах Фалрьян'Олы, находятся храмы, посвященные предкам и великим богам людей-птиц.

Обращение «дхайя» (именно так меня назвал Чаран, когда только встретил), обозначает «тот, кто не ступал на эти земли». Возможно, толкование могло быть куда тоньше и изящнее, но более подходящих аналогов я подобрать не смогла. Кстати, поразительный факт. Как вы поняли, я не столкнулась с трудностями перевода и прекрасно понимала,

о чем говорят мои собеседники. Напрямую задавать вопрос: «Почему я, человек из будущего, прекрасно вас понимаю?» – разумеется, не стала.

В нашей беседе Рамаол не раз упоминал праязык, которым владеют все четыре народа, состоящие в Коловрате. И обучаться ему не нужно. Потому что каждый из нас знает «верные слова». Отсюда я и предположила, что, возможно, где-то в глубинах подсознания осталась память о древнем языке, и для того, чтобы его вспомнить, нужен определенный ключ. В моем случае таким ключом стало... то есть стал мой провал в прошлое.

Дальше – больше. Тогда же, когда Чаран меня обнаружил, он назвался словом «атор». Я не преминула спросить Рамаола, что это значит. На что и получила ответ: аторы – это те, кто служат стражниками крепости у завесы Ашьи. Естественно, это вызвало вопрос – что такое завеса?

Оказалось, что Ашья – это некая граница, разделяющая четыре народа. Вечно дымное и скрытое всеми туманами чужих миров место, в котором не бывал ни один из народов Коловрата. Говорят, его создали боги, и нет туда хода простым смертным. Если двигаться от завесы вверх, то вы попадете в Фалрьян'Олу. Это просторы людей неба. Если бы я пошла вперед, то добралась бы до водного царства туатов и острова Туа-Атла-Ка. Стоило бы мне начать спускаться вниз, и я попала бы в Нарвь – переплетение тоннелей и подземный город нарвийцев. Ну а если б у меня хватило ума повернуть

назад, то я бы оказалась в сердце огненного края, на родной земле ирийцев (будь они трижды прокляты за свои шашни со всякими Радиставами, а также вересоченскими белками-во-ришками).

Наряду с аурой фалрьяны способны примерно видеть ваши намерения. Эта методика мне знакома, однако наши люди ей не могут пользоваться в полном объеме, потому что часть этого искусства утеряна еще с незапамятных времен. Учитывая, что дождями и другими осадками управляют люди-птицы, для Рамаола стало удивительным открытием, что змей – существо, считающееся нарвийским обитателем (фалрьяны явно никогда не слышали легенды о Кецалькоатле – пернатом змее), может вызывать ливень. Да еще и непостоян, а с громом и молнией. Последнее, кстати, у Шарика не особо получается, но мы этим займемся.

Еще одна деталь. Когда я вошла в зал, начальник стражи восседал один, разве что в окружении неодушевленных предметов. Но, как выяснилось, почти все аторы знали о нашем с Шариком визите. Как? Серебряные и хрустальные колокольчики над потолком, как выяснилось, были подвешены не только с декоративной целью. У каждого фалрьяна в доме есть такой «звон вестей». Ветер передает нужную информацию с огромной скоростью. Но только дети Отца Ветров могут слушать и понимать слова своего младшего брата. Для остальных это всего лишь шум ветра. Больше ничего.

Не знаю почему, но возникло странное ощущение, что Ра-

маол мне симпатизирует. Даже несмотря на то, что я – дхайя, та, которая не ступала на эти земли. Чужаки здесь появлялись редко. Четыре расы очень хорошо изучили свой мир, поэтому все новое и невероятное для них было действительно большим событием.

Я благоразумно промолчала о том, что пришла, миновав не только приличное расстояние в километрах, но и в веках... Сколько именно веков – сосчитать невозможно. Я, конечно, осторожно попыталась уточнить, известен ли фалрьянам всемирный потоп. Все же этот факт упоминается во многих легендах и мифах, так что нелишне будет попробовать взять его за точку отсчета. Однако... Рамаол посмотрел на меня с искренним удивлением, словно таких вещей вообще не могло произойти. А также заметил, что вода – это стихия туатов, и они не позволят ей разгуляться и натворить бед такого масштаба. После этого вариант с потопом отпал. А жаль. Идея была не такой уж плохой.

– Ты устало выглядишь, – заметил Рамаол. – Тебе нужен отдых.

Я хотела возразить, однако через пару секунд поняла, что он абсолютно прав. К тому же сказывалась бессонная ночь и прогулка по беличьему подземелью.

– Я распорядюсь, чтобы тебе выделили комнату как госте, – улыбнулся Рамаол. – А также принесли поесть.

– Спасибо большое, – поблагодарила я и, опустив взгляд вниз, наконец поняла, почему Шарик не задает глупых во-

просов и вообще не подает голоса.

Змееныш, свернув все свои кольца, сладко посапывал у меня на коленях, уткнувшись мордочкой в живот.

– А Вызывающему Дождь что-то надо? – спросил Рамаол, проследив за моим взглядом.

Я крякнула. Вот как оно, значит. Вызывающий Дождь. Пафосно донельзя. Шарик у однозначно понравится. Только говорить ему об этом я сейчас не буду. После порадуетя.

– Что-нибудь мягкое, а то потом будет жаловаться, что чувствует себя, как принцесса на горошине, – хмыкнула я.

На лице Рамаола отразилось недоумение:

– Как кто?

Ах, да. Я ж совсем забыла, что мои шутки не будут понятны людям из... э-э-э... прошлого. У них, наверное, титулы называются иначе, да и вообще...

– Это весьма долгая история, – попыталась выкрутиться я. – Если захотите, позже вам ее расскажу.

– Хм, хорошо, – кивнул Рамаол. – Мне интересно узнать о тебе побольше, Шестопалая. А пока...

Он неожиданно издал какой-то невероятный звук, подобный трели хрустальных колокольчиков, – чуждый и нечеловеческий, заставивший меня замереть на месте, прижимая к себе резко проснувшегося Шарика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.